

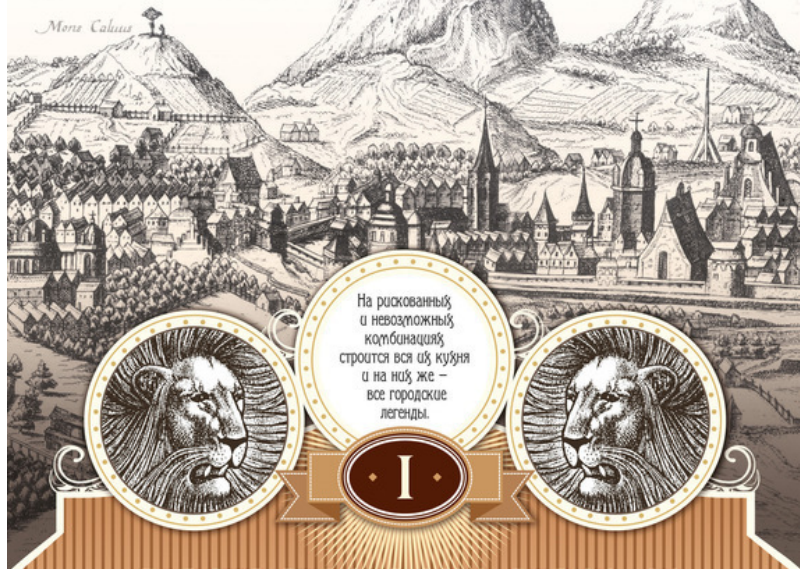
Юрий Винничук

*Aex superior quae ferens orbis decem
a Leopoli millibus cernitur.*

Mons Stephani vulgo Leonis

Mons Caluus

На рискованных
и невозможных
комбинациях
строится вся изюбря
и на них же —
все городские
легенды.

I

ЛЕГЕНДЫ ЛЬВОВА

Юрий Павлович Винничук

Легенды Львова. Том 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9960049

Легенды Львова: в 2-х т. – Т. 1 / Юрий Винничук; худож.-оформитель

О. Н. Иванова: Фолио; Харьков; 2014

ISBN 978-966-03-6983-2, 978-966-03-6984-9

Аннотация

Писатель, переводчик, краевед Юрий Винничук впервые собрал под одной обложкой все, что удалось разыскать об уникальном городе в фольклорных записях прошлого. Фантастический мир Львова, населенный духами, чертями, ведьмами, тесно переплетается в легендах с миром реальным, в котором живут исторические лица – короли, бургомистры, чернокнижники и баяры. Старинный Львов предстает перед нами как уникальное явление мировой культуры, источник богатейшего городского фольклора и жизнерадостного юмора.

Содержание

Было ли не было	7
Про маленькую жницу и Августовскую Ночь	8
Как появилось урочище Папороть	12
Как женщины Львов спасали	14
Львовская каторга	16
Что любовь соединит	17
Пощёчина ценою в жизнь	19
Детский поход на Львов	21
Легенда о горнисте	23
Затопленная церковь	27
Волчья гора	29
Цимес пикис малаховскис	31
Пан золотой, пан серебряный и слуга их медный	33
Пани Абрекова – гроза Львова	35
Часы бернардинов	37
Как город Льва восстал	39
Львовские львы	43
Рождение короля	45
Посвящение в рыцари	46
Откуда смех во Львове взялся	48
Шелудивый Буняк	50
Пернатый конь	52

Механический покойник	53
Ночь на кладбище	54
Как Збоиска получили своё название	56
Старший над тачками и парламентом	58
Как увидеть Вену	59
Как воевода Билык боролся с нарушителями	60
Король Данило и его шут Олелько	62
Книги Олелька	64
Королевский подарок	66
Конкурс художников	70
Данило в гневе	72
Слепые и зрячие	73
Королевский конь	75
Пари	77
Как Олелько яйца делил	80
Вокруг носа	82
Чудодейственное зелье	84
Учёные гуси	86
Олелько лакомится гусём	88
Сон	90
Каждому своё	91
Цена бороды	94
Поцелуй за плащ	98
Последняя выходка шута	100
Король лев	105
Меч и ножны	107

Подкова и дукат	109
Как предсказатель хотел короля обмануть	111
Кубок вина	113
Костыль	114
Никому с рук не сойдёт	117
Бусы сирийского купца	121
Конец ознакомительного фрагмента.	125

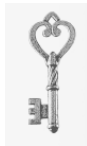
Юрий Винничук

Легенды Львова. Том 1

Было ли не было

Про маленькую жницу и Августовскую Ночь

Когда-то давно село Голоско не было богатым. Казалось, сама природа позаботилась о том, чтобы людям жилось несладко – густые леса и каменистые холмы не позволяли раскинуться колосистым нивам, а потому сразу за селом желтели лишь небольшие лоскутки поля, которые удалось высвободить от камней. Таких лоскутков было много, а до самых далёких идти нужно было целый час.

Один такой надел был у бедной вдовы, которая жила у леса с маленькой дочкой. Женщина тяжело работала в батрачестве, а девочка возилась в огороде, ухаживала за курами и утками.

Пришло время, когда пора уже было хлеб собирать. К счастью, уродило так пышно, как никогда. Всё село радовалось этому. Только бедной вдове было не до радости, потому что она внезапно разболелась и слегла.

– Что же теперь будет с нашим хлебом? – горевала вдова,

глядя, как все в селе радостно собирают урожай и возят во дворы роскошные снопы.

– Не печальтесь, мама, – вдруг отозвалась девочка. – Я и сама справлюсь.

– Да где ж тебе такой маленькой справиться? Ты и серпа-то в руках никогда не держала.

– А вот и держала. Я же серпом жала крапиву для кур!

– Скажешь тоже... Сколько там той крапивы. Ох-ох-ох... Может, кто-то из соседей сжалится, да поможет. Но им ведь нужно сперва на своём поле закончить, а потом ещё и смолоть, погода ведь переменчивая. Сегодня парит, а завтра, глядишь, и ливень польёт. А зерно тем временем и осыплется...

– А я вот попробую, какова из меня жница, – сказала девочка и, взяв серп да кувшин молока с хлебом, отправилась в поле.

Зерно уже начало осыпаться. Ещё день-два, и жать будет поздно.

– Не уйду отсюда, пока всего не пережну, – пообещала себе девочка и принялась за работу.

Но маленькие ручки не привыкли к тяжёлому труду, а худенькая спинка скоро заболела. Девочка время от времени разгибалась, чтобы передохнуть. Вот уже и солнце закатилось, и начало смеркаться. Уже ни души в поле не видать. Одна девочка жнёт, а до конца ещё далеко. Руки так устали, что она их уже и не чувствует, будто окаменели, а ноги не

слушаются, подкашиваются под неё, и колени уже исколола острая стерня.

– Никто мне не поможет, – заплакала она, – разве что ночь тёмная.

А тут как раз мимо неё проходила Августовская Ночь – высокая, тёмноволосая пани в роскошном синем, будто ночное небо, платье.

– О, так ты и ночью работаешь? – удивилась она. – Много чего я на свете повидала. Видела, как по ночам гуляют и крадут, но чтобы ниву ночью жали – такого не видела. Да ещё кто жнёт – малышня всякая.

– А что мне было делать, если мама заболела, а колос осыпается уже?

– Ну-ну, не хнычь. Раз уж я рядом с тобой, то помогу.

С этими словами Августовская Ночь взялась за серп и живо принялась за работу, а жала она так, что за один взмах пшеница на десять шагов вперёд ложилась. Не успел ещё и рассвет заняться, а весь хлеб уже лежал в снопах и скирдах.

– Ну, вот и всё, – сказала Августовская Ночь. – А мне пора. Сейчас солнце взойдёт.

– Ой, матушка, как я вам благодарна! Возьмите хоть на память эти колоски.

Августовская Ночь взяла пучок пышных колосков, подбросила вверх и обсыпала ими своё платье. И когда она уходила, девочка увидела, как колоски замерцали золотыми блёстками. С той самой поры Августовская Ночь над Гали-

чиной переливается необычайно ярким сиянием звёзд.

Как появилось урочище Папороть

Когда-то там, где ныне Кульпарков, находилось урочище Папороть. Тут было два источника, из которых брала своё начало река Сорока, которая впадает в Полтву. А на хуторке жил смолокур со своей женой.

Однажды вечером кто-то постучал к ним в дверь. Хозяин открыл и увидел старика, который искал ночлега. Его пустили в дом, накормили, чем Бог послал, и уложили спать. А на утро хозяева проснулись в замке, который аж трещал от разных дорогих вещей. А старика и след простыл.

Зажили они тогда, как настоящие князья. Не прошло и года, и в один такой же вечер кто-то вновь постучал в ворота замка. Сторож протёр сонные глаза и, лениво вздыхая, крикнул:

– Кто там?

– Старый путник просит ночлега.

– Сейчас, – буркнул сторож, – пойду, спрошу помещика.

Поплёлся он в покои, где хозяева как раз готовились спать.

– Пан, а пан!

– Ну, что такое?

– Там дед какой-то ночлега просит!

– Гони его к чёртовой матери! Тут замок, а не постоянный двор!.. Хотя можешь ему дать то, что после ужина осталось.

Сторож собрал объедки в чугунок, вынес к воротам, и от-

крыв окошечко, сказал:

– Хозяева сказали, чтоб вы шли куда подальше. А это вам немного перекусить. Давайте шапку.

Старик снял шапку, сторож налил ему какой-то похлёбки и захлопнул окошко.

Путник печально покачал головой, что-то шепнул над шапкой и выплеснул объедки на ворота. И в тот же миг роскошный замок со всеми жителями с грохотом провалился под землю. Пустырь вскоре густо зарос папоротником, и, глядя на него, никто бы и не догадался, что некогда тут возвышался замок.

Как женщины Львов спасали

Когда татары в 1283 году пытались захватить Львов, то хан Телебуга захотел выяснить, сколько же смогут жители продержаться в осаде. А простоял он под городом две недели и считал, что львовяне уже должны были бы с голоду помирать.

Татарские послы, отправленные в город, стали кричать под воротами, чтоб их впустили. Львовяне уже хотели было открыть ворота, но женщины, узнав об этом, стали просить, чтоб ещё немного повременили.

Быстренько поразбегались львовские женщины по домам, повывкатывали на улицы пустые бочки и поставили их вверх дном. После – повывметали из кладовых всю крупу и муку, что там была, и засыпали донца бочек кто крупой, кто мукой, а кто зерном, да так, чтобы вершок торчал.

– Вот теперь мы уже готовы, – сказали женщины, – пускайте изуверов.

Двинулись татарские послы через город, а тут, куда ни глянь, стоят бочки с несметным количеством еды. Да мало того – выпустили женщины всю птицу и скот из хлебов на улицу, послаам даже пришлось палки в руки взять, потому что свиньи им проходу не давали, а гусаки сердито шипели, куры кудахтали и били крыльями.

Увидели послы такое великое множество всякой живно-

сти и очень печальными вернулись назад. А хан Телебуга, выслушав их, сразу же приказал войску собираться и идти домой.

Львовская каторга

Когда львовский бургомистр Мартын Кампиан задумал в 1615 году строительство Ратушной башни, то приказал отловить всех-всех тунеядцев, бродяг, пьяниц, картёжников, которые прожигали свои дни в кабаках.

Их приводили на стройку, записывали в ряды рабочих и заставляли трудиться. А стоит отметить, что в этой честной компании немало было детей богатых мещан, которые в руках кроме ложки, карт и чарок и держать-то ничего не умели.

Вот смеху-то было! Весь город над ними потешался. А многие родители сами приводили своих сыновей, как шутили тогда, на каторгу.

Вот почему с северной стороны Кампиановской башни было выбито на камне изображение корабля-галеры, как напоминание о том времени, когда оборванцев «на галеры» отправили.

Что любовь соединит

Эту историю можно было бы назвать «Львовские Ромео и Джульетта».

В 1594 году с далекого Крита привез вино итальянец Микелини. Часть товара заказал для себя украинский купец. И вот у него дома увидел итальянец юную Пелагию, дочь купца, и с первого же взгляда влюбился. С тех пор частенько искал он повода наведаться к ним, пока и Пелагия не ответила ему взаимностью.

Итальянец утратил всякое желание возвращаться домой. Молодые люди шептались друг другу нежности, а родители девушки благосклонно за этим наблюдали, потому что итальянец был им по душе. Однако ко Львову уже подбиралось страшное горе: чума.

Она не раз уже собирала свою чёрную жатву по всей Европе и вот наконец наделаась и сюда, и каждый день косила десятки людей. Тщетны были молитвы, тщетны непрестанные службы в церквях. Не обошёл мор и усадьбы купца – Пелагия заболела. По суровому распоряжению всех зачумлённых выносили за пределы города и оставляли в саду, где за ними ухаживали монахи.

Несмотря на это Микелини не покинул своей любимой и не отходил от неё, развлекая и вселяя надежду на выздоровление. Но девушка была обречена. Микелини похоронил

её на православном кладбище церкви Благовещения. А через девять дней слёг и сам. Очевидно, сказалось общение с больной. Умирая, Микелини просил похоронить его в костёле святого Станислава, а на их могилах выстроить одинаковые надгробия.

Так оно и случилось. На обеих могилах поставили одинаковые надгробные камни, на которых выбито по паре сердечек, соединённых лавровой веточкой. А ниже – стихотворение львовского поэта Шимона Шимоновича:

Что любовь соединит,
Того и смерть не разлучит.

Пощёчина ценою в жизнь

Ганнуся Вовчковна была одной из самых очаровательных девушек Львова конца XVI столетия. Много кавалеров ухаживало за ней, но вниманием она удостоила лишь двоих: Павла Оленика и итальянца из Флоренции Урбана Убальдини. Беда только, что девушка дарила свою волшебную улыбку им обоим с одинаковой теплотой.

Кто его знает, сколько бы продолжалась эта борьба за её сердце, если бы не свадьба Анны Луцкой. Оба дыхателя были в числе приглашённых. И вот во время танцев они одновременно пригласили Ганнусию. Панна могла бы и подумать, перед тем как сделать то, что сделала, но думать ей не хотелось, и она подала руку смуглому флорентинцу.

Павел не был ни испанцем, ни сицилийцем. Он был местным украинским шляхтичем, но чувство собственного достоинства у него было, и он отвесил звонкую пощёчину Урбану.

Музыканты сразу же перестали играть, а пары остановились. Никто не успел ничего сделать, как итальянец выхватил кинжал и ударил Павла в живот. Парень упал без сознания.

Умиряющего Павла понесли в дом его родителей, а Урбан должен был предстать перед судом в Ратуше. Суд в ту пору приговаривал за убийство к смертной казни. Двенадцать присяжных, решавших в те времена все судебные дела, при-

знали итальянца виновным, и не сносить бы ему головы, если бы не женщины, окружившие Ратушу. Молодые девушки и почтенные матроны так горько плакали и умоляли быть милосердными, что присяжные засомневались.

Но женские рыдания мало помогли бы, если бы смертельно раненый юноша и его семья вдруг не проявили необычайное благородство. Павел послал своё прощение итальянцу и взял всю вину на себя.

Павел умер, а Убальдини добился руки богатой дочери шляхтича, дав начало прославленному во Львове роду патрициев.

Детский поход на Львов

В 1624 году татары напали на Галичину и взяли большой ясырь. Когда же они уже отправились домой, вслед за ними бросился коронный гетман Станислав из Конецполя.

С пленными бежать нелегко, и ордынцы, отобрав кого поздоровее, жестоко расправились с остальными, оставив в живых лишь детей.

Произошло это на берегу Днестра под Мартыновым. Татары убежали, а дети разбрелись по кустам да поймам в поисках еды. Самые маленькие плакали около своих убитых родителей.

Страшную картину увидел гетман. Воины и казаки начали искать детей и собирать их вместе. В сёлах они попросили телеги и отправили на них детей во Львов, причём телег понадобилось несколько десятков.

Этот набег детворы всполошил всю Ратушу: что с ними делать и как кормить? Долго советники гадали и наконец решили выставить детей на Рынке и раздать в семьи желающим.

Людей сбежалось видимо-невидимо. Никто не думал, что тех, кто согласится принять сирот, окажется так много. Советникам с трудом удавалось управлять этой стихией. Писари, утирая пот, записывали, кому какой ребёнок достался, чтобы потом можно было проверить, хорошо ли ему живёт-

ся в новой семье.

Вот какими были львовяне перед лицом горя.

Легенда о горнисте

Из глубины Средних веков в европейских городах прижилась традиция содержать за счёт города горниста, в обязанности которого входило каждый час трубить. В давние времена горнист был караульным города, отвечал за его безопасность, сообщал о пожарах и приближении врага.

В 1491 году, когда было завершено строительство ратушной башни, на ней поместили часы, горниста и сторожа. Горнист должен был каждый час, днём и ночью, подавать сигналы времени, в праздничные дни развлекать жителей красивой игрой, а прежде всего оберегать город от всяческих нападений и от огня.

Когда в сентябре 1618 года во Львов пришли известия о поразительных победах гетмана Сагайдачного над московскими войсками и о том, как он спас будущего короля Владислава IV, местные власти решили достойно отпраздновать это событие и устроить театрализованное действо, отражающее сцену штурма вражеского города польско-украинским войском. Тогда был объявлен конкурс на лучший сигнал горна и лучшего горниста. Эта новость многих свела с ума, и за право провозглашать на ратуше начало действия, да ещё и получить вознаграждение в несколько золотых, решило побороться немало желающих. Несколько дней в разных концах города раздавались звуки горна – это конкурсанты упражня-

лись, подбирая наиболее подходящую мелодию. В то же самое время красавица Ганнуса из уважаемой семьи крупчатников, торгующей крупами испокон веков, взяла да и пошутила над юношей, который за ней ухаживал: «Вот если бы ты победил и получил право трубить, я бы за тебя пошла!»

Андрусь был парнем способным, и хоть работал он в кузне, но не гнушался и высокого искусства: играл на свадьбах да праздниках. Прихоть любимой, чьей благосклонности добивалось чуть ли не всё Галицкое предместье, глубоко запахла ему в душу. Играть на трубе и кобзе он умел, но звуки, производимые этими инструментами, были крайне далеки от совершенства. Заметив, что сын опечален, отец посоветовал ему обратиться к старому горнисту Криштофу Гайде, который приветствовал короля Стефана Батория 31 марта 1576 года и получил от короля награду.

Андрусь нашёл старого Гайду и рассказал ему, почему печалится. Времени было мало, но Андрусь всё ловил на лету, и учение быстро продвигалось. Старый горнист научил парня той самой мелодии, которую играл Баторию. В этой музыке звучал триумф и безудержная радость побед. Однако Андрусь привнёс в неё и кое-что от себя, ведь эта мелодия должна была адресоваться не только королю и львовянам, но и его любимой. Музыка должна была растопить её сердце, согреть душу и наполнить её новыми чувствами.

Наконец настала пора горнистам продемонстрировать своё искусство. Дошла очередь и до Андруся. Прежде чем

начать, он нашёл глазами Ганнусю, которая стояла перед самым помостом, потом поглядел на старого горниста, который ободряюще ему подмигнул, и заиграл. Звуки горна взлетели в небо, и казалось, от них зимнее солнце засияло ярче, и свинцовое небо прояснилось, и на лицах жителей Львова расцвели улыбки. Ратманы радостно переглядывались, толкали друг друга и кивали головами: вот оно! Возгласы «браво!» и «виват!» зазвучали в один голос. Сам бургомистр вышел на помост, обнял Андрусю и повесил ему на шею ключ от ратуши.

А когда бурная радость улеглась, Андрусю обратился к толпе:

– Я получил высокую награду – играть в честь наших побед. Но самая большая моя награда – Ганнуся, которая пообещала выйти за меня замуж, если я смогу победить. И сейчас я прошу, чтобы она при всех подтвердила своё обещание.

Девушка покраснела и заволновалась. Ей, конечно, нравился Андрусю, но ведь родители об этом ничего не знают, да и пошутила она, не подумав, ни секунды не веря в то, что молодой кузнец сможет победить опытных горнистов. Увидев, что на неё смотрят тысячи глаз, она попыталась было затеряться в толпе, но плотные ряды её не пропустили. Ганнуся нервно прикусила губки в поисках выхода. Но тут слово взял бургомистр, протянул к ней руки и пригласил взойти на помост. Девушка сомневалась, но её подтолкнули сзади, кто-то взял её под руку, подвёл к ступенькам и помог подняться.

Ноги у неё подкашивались от волнения: «Господи, что скажут мои родители!» – печалилась она.

А бургомистр подвёл её к Андрусю и спросил:

– Ну что? Сдержишь своё обещание? Скрепишь свою любовь к Андрсю браком? Выйдешь за него?

Воцарилась тишина. Толпа, затаив дыхание, ждал решения. Девушка колебалась, глазами бегала по головам людей в поисках родителей. Но тишина продолжалась недолго, толпа всколыхнулась, зашумела, а из шума того вынырнуло одно слово и, превратившись в хоровое скандирование, взлетело над Рынком:

– Выходи! Выходи! Выходи! Выходи!

И тут увидела Ганнуся свою маму, вытирающую глаза платочком, но то не были слёзы горя, а вот и отец, который сначала крутил головой, как индюк, в поисках чьей-то поддержки, но наконец снял шапку и махнул ею:

– Выходи!

И Ганнуся повторила дрожащими губами:

– Выйду!

Бургомистр соединил их руки, а мелодия, исполненная горнистом Андрусем, с тех пор каждый день звучала над Львовом и наполняла души его жителей ощущением радости и гордости за свой город. А с 2011 года она звучит над ним вновь.

Затопленная церковь

Когда-то на Клепарове стояла небольшая церковь, окружённая липами и яворами. На колокольне трижды в день били в колокола, созывая людей из ближайшей округи. Но в 1695 году татары напали на Львов, случилась беда. Как раз воскресным утром, когда в церкви было много народу, орда ворвалась внутрь.

Татары вязали молодёжь, грабили хоругви и сокровищницу, крали церковное убранство. Ничто не могло их остановить – ни громкие рыдания детей, ни проклятия матерей, ни мольбы священника.

В тот самый момент, когда в церкви безумствовали разбойники, сорвался сильный вихрь, а за ним – ужасный ливень. Небо разразилось молниями. Прозвучал жуткий удар грома, и церковь вместе со всеми, кто в ней находился, начала проваливаться под землю. Бурная клокочущая вода залила пол и быстро поднималась.

Вскоре на месте, где стояла церковь, остался только мутный пруд. Потому-то и называли его Чёрный дол. С тех пор иногда можно было услышать из глубины пруда плач и глухой звон колоколов.

Как-то в ночь на Ивана Купала над прудом проходил парень и заметил в свете луны серебряную верёвку, которая качалась на плёсе. Не долго думая, он схватил её и начал

тянуть на себя. В тот же миг послышался шум колоколов и детский плач, а из чёрных глубин начал выныривать золотой крест, а за ним – золотой купол и окна, озарённые светом свечей.

Парень уже догадался, что это была церковь, провалившаяся под землю, и молил Бога, чтобы ему хватило сил её вытащить. Уже пропели первые петухи, а он продолжал, обливаясь потом, тянуть за шнур. Вокруг медленно светало, и силы покидали парня. И не было никого, кто бы мог помочь. Только всё громче слышался плач и молитвенное пение.

Когда же пропели третьи петухи, верёвка вырвалась у него из рук, и церковь поглотила мутная вода. Парень перекрестился на прощание, а уходя, слышал, как за спиной тяжело стонали колокола и рыдали люди.

Волчья гора

Находилась она среди холмов, где теперь начало Зелёной. Когда-то там были лесные чащи, в которых жили серны, дикие кабаны, да и волки не раз забегали почти в самый город.

Однажды двое парней с окраины, которая называлась Темричевский лан, пошли в лес за грибами и, когда уже возвращались назад, наткнулись на двух маленьких волчат, которые лежали в густом мху и скулили. Парни взяли их с собой, спрятав за пазуху, и пошли домой. Волчата беспрестанно скулили, из глубины леса доносился вой волчицы. С каждым мигмом он становился всё выразительнее. Парни что было сил мчались домой.

Стоило им добраться до своих дворов, как они увидели большую волчицу, которая бежала по их следам. Всю ночь она слонялась около их домов и завывала, пока её не отогнали местные псы.

Оба волчонка на коровьем молоке росли, как на дрожжах. А через год это были уже большие волки. Они стали верными товарищами своих хозяев и часто сопровождали их во время походов в лес.

В один зимний полдень парни отправились за хворостом, а волки – за ними. Когда они взошли на холм и ступили на то место, где в прошлом году нашли маленьких волчат, из чащи внезапно выскочила волчья стая.

Парни похватали с саней топоры и побежали к раскидистому дубу на самой вершине холма. Пока домашние волки отгоняли стаю, парни быстро вскарабкались на дерево.

Тем временем волки сбегались отовсюду и окружили дерево плотным кольцом. Снова и снова они бросались на двух прирученных волков, во все стороны разлетались клочья шерсти и брызгала кровь. Но силы были неравными, и стая разорвала своих родственников.

Парни сидели на дереве и цокали зубами от мороза. Волчья стая и не думала отступать. Кто знает, чем бы это закончилось, если бы их родители не собрали соседей и не пошли с псами и рогатинами на поиски своих сыновей.

Волки, напуганные вспышками факелов, шумом и лаем псов, разбежались. Парни спаслись, а тот холм с тех пор называли Волчьей горой.

В 1648 году гору заняли казаки Хмельницкого и оттуда наступали на город. А сейчас от того холма мало что и осталось.

Цимес пикис малаховскис

Кто из старых львовян не знает, что такое «цимес пикис»? На любой вопрос: хорошая ли погода, интересное ли кино, вкусны ли пироги, понравилась ли девушка, ответ был один – «цимес пикис». Можно было ещё сказать: «люкс», «перша кляса» или «йой, яке то файне»¹, но «цимес пикис» звучало эффектней.

Никто даже не сомневался насчёт происхождения этого выражения – оно еврейское. Поскольку «цимес» означает десерт. Зато таинственное «пикис» ни один еврей, даже старо-заветный, не объяснил бы.

А происходит это слово ещё из XVIII столетия, когда маршалок сейма Станислав Малаховский организовал парадную сеймовую гвардию, вооружённую пиками, и евреи назвали её «пикис Малаховскис».

Так совпало, что в начале прошлого века бургомистром Львова стал потомок маршала доктор Годимир Малаховский. Во время его правления во Львове были построены новые водокачки, перекачивающие в город очень вкусную воду из Добростанов.

Открытие новой водокачки отпраздновали очень торжественно, после чего пан бургомистр выпил первый стакан воды. А подавая следующий послу австрийского парламента

¹ *Йой, яке то файне* – первый сорт, ох, как это вкусно (гал.).

доктору Эмилю Быку, громко произнёс:

– Бычья вода!

Доктор Бык выпил воду залпом, причмокнул и воскликнул:

– Цимес пикис Малаховскис!

Пан золотой, пан серебряный и слуга их медный

На месте пруда Собка, который находился в Вульке, когда-то стояла церковь. В дни больших праздников из пруда слышался гулкий звон колоколов, а ночью звучало церковное пение.

Однажды на том пруду девушка стирала рубашки, и коса её упала в воду. Девушка дёрнула головой и вдруг почувствовала, что косу что-то держит.

– Кто там прицепился? – воскликнула она.

– Это мы – колокола. Выбери кого-нибудь из нас, – прозвучало из глубины.

– Как же мне выбирать?

– Нас три: пан Золотой, пан Серебряный и слуга их Медный.

– Я сама служанка, а потому слугу и выберу.

Вода заклокотала, и на поверхность поднялся большой медный колокол.

– Неси меня в церковь, – попросил он.

– Но ведь ты такой большой, как же я тебя понесу?

– Не бойся, неси.

Девушка обхватила колокол руками и почувствовала, что он лёгкий, словно бумажный. До церкви было недалеко, и как только она донесла колокол до колокольни, он сам под-

нялся и прицепился рядом с другими.

– Жаль, что ты не выбрала золотой колокол, – вздохнул священник. – Но и медный хорош, очень уж у него красивый голос.

Но недолго тот колокол звонил. Прошло несколько лет, девушка заболела и умерла. В тот день, когда она умирала, колокол тихо гудел, а когда её душа покинула тело, колокол сам раскачался и начал громко бить, пока от великой скорби не треснул и не замолчал навсегда.

Пани Абрекова – гроза Львова

В конце XVI и в начале XVII столетия каждый житель Львова, проснувшись утром, спрашивал: «Что слышно от пани Абрековой?» Это было любимой шуткой: вмешаться в разговор и спросить: «Интересно, что сказала бы на это пани Абрекова?»

Эти слова могут родить в вашем воображении образ пани Абрековой – великой сплетницы. Но самом деле пани Абрекова могла вообще ни слова не говорить, всё происходило помимо её воли.

Просто ей выпало жить на Рынке, и её ставни превратились в уличную газету, откуда можно было вычитать последние львовские новости и полюбоваться остроумными карикатурами. Первой жертвой пала сама пани Абрекова – какой-то хулиган написал о ней колкую шутку. Шутка имела успех, и с тех пор каждый желающий поделиться свежей сплетней или колкостью старательно выписывал их на ставнях горемычной пани Абрековой.

Особенной популярностью ставни пользовались во время ярмарок, ведь забава превращалась в международный конкурс юмора и сатиры. Дошло уже до того, что каждый дрожал перед «пани Абрековой» и вздыхал с облегчением, узнав, что новая шутка адресована не ему. Наконец многочисленные жалобы почтенных горожан переполнили чашу терпе-

ния магистрата и тот вынес суровое предупреждение пасквильянтам. А поскольку этого никто не испугался, то у окон пани Абрековой ещё и караул выставили.

К борьбе с шутниками присоединилась и церковь. Священники каждое воскресенье призывали на их несчастные головы гнев Господень. И так постепенно первая львовская стенгазета пришла в упадок, хотя о пани Абрековой ещё долго не забывали и вспоминали её имя.

Часы бернардинов

Костёл отцов бернардинов построил в начале XVII века известный зодчий Павло Римлянин. Вместе с монастырём костёл представлял собой окружённую рвом башню, примыкающую к городским стенам около Галицких ворот.

На старинной башне костёла, высота которой 38 метров, время отбивали куранты. На протяжении нескольких веков они били на пять минут раньше всех остальных городских часов.

Как? – удивитесь вы. Несколько веков – не лет и не месяцев! – часы спешили на целых пять минут и никто не обратил на это внимания? Никто не прекратил это безобразие?

Как раз таки наоборот. Внимание обращали. Но без тени недовольства. И что самое интересное – с благодарностью.

И благодарность была обращена к тому безымянному монаху, которого приставили когда-то следить за курантами. Однажды вечером, поднявшись на башню, он увидел, как татарские войска мчатся к Галичским воротам. Что было делать? Кричать? Но кто услышит с такой высоты?

И тогда монах перевёл большую стрелку курантов на пять минут вперёд – как раз на то вечернее время, когда закрывались ворота города. Как только часы пробили, ворота закрылись. И как раз вовремя – татары были уже у городских стен.

С тех пор куранты «Бернардин», как называют их жители

Львова, всегда спешили на пять минут, напоминая о том событии.

Как город Льва восстал

Когда-то очень давно, когда Львова ещё не было, вокруг гор ютились сёла. Горы были покрыты лесами, и крестьяне находили там надёжное укрытие от врагов.

Но вот пришло какое-то смутное время – люди начали пропадать. Не сразу выяснилось, что людей крадёт лютый лев. Он подстерегал добычу на одной из гор, где у него была пещера, а потом внезапно выпрыгивал и убивал одним ударом лапы. После этого спокойно уволакивал её в пещеру и съедал. Делал он этого лишь тогда, когда видел, что человек один, вот почему никто долго не мог догадаться о его существовании.

Выследил льва один старый охотник. Он по следам прочёл, что на горе живёт какой-то страшный зверь, и подумал, что он, наверное, и убивает людей. Охотник спрятался на дереве с запасом еды и сидел там три дня и три ночи, пока собственными глазами не увидел огромного хищника.

В селе поднялся переполох. Никто уже не решался сам отправляться в путь и даже приближаться к той горе. Но это не помогло, потому что оголодавший лев начал прокрадываться между домов и там нападать на людей. Какие только ловушки ни устраивали ему, чего только ни придумывали – ничего не помогало. Слух о свирепом льве разлетелся по всем окрестностям.

И вот наконец появился отважный рыцарь, который отважился убить льва. Он приехал из самого Киева. Все сбегались на него поглядеть и с нетерпением ждали, когда он уже двинется на зверя. Но рыцарь не торопился.

Первым делом он поговорил с местными кузнецами и заказал у них такие латы, чтобы ни одно чудовище разорвать не смогло. День и ночь ковали кузнецы рыцарские латы, а утром приходил рыцарь, брал те латы двумя руками, ударял о колено, и латы разламывались. Рыцарь, печально вздыхая, покидал кузницу, а кузнецы снова принимались за работу. Тем временем рыцарь шёл в другую кузницу, где ему ковали меч. Там тоже работали без устали. Рыцарь брал свежескованный меч, несколько раз взмахивал им в воздухе, а потом с силой бил по наковальне. Меч разлетелся вдребезги, а рыцарь, повесив нос, плёлся в кабак. Там он сидел за кубком вина и думал, как же победить льва без надёжного снаряжения.

Однажды в корчму зашёл отшельник. Он как раз направлялся паломником в Киев и зашёл подкрепиться. Вот увидел он опечаленного рыцаря и спрашивает у корчмаря:

– А почему этот рыцарь такой грустный?

Корчмарь рассказал, какая беда приключилась в их краях, а отшельник и говорит:

– Я знаю, как выковать рыцарю кольчугу, которая ни одному зверю не по зубам.

Рыцарь только услышал те слова, сразу голову поднял.

– Нужно, – говорит отшельник, – латы и меч окропить кровью невинной девушки. Тогда им никакая сила не страшна.

Все, кто были в корчме, замерли, задумавшись над словами отшельника.

– Тут такое дело, – сказал корчмарь, – что надо громаду собрать и посоветоваться. Сами мы этого не решим.

Вот ударили они в колокол и собрали громады из соседних сёл. Отшельник стал перед ними и повторил то же самое, что и в корчме. Никому и в голову не пришло сомневаться в словах такого почтенного человека. Одна беда – где такую девушку найти. Девушек, конечно, немало, но разве хоть одна из них согласится свою кровь отдать?

– А и не нужно, чтобы одна столько крови пожертвовала, – говорит отшельник. – Пусть соберутся все девушки, проколют себе мизинцы и по капле-две выдавят.

Так они и сделали. Все девушки сошлись к казану, установленному под кузницей, и начали кровь собирать. Кто-то одну каплю, кто-то – две, а кому-то и вдесятеро больше не жаль было.

Вскоре в казане оказалось столько крови, что кузнецы смогли в ней и латы искупать, и меч закалить. Рыцарь взял латы, ударил о колено – а они даже не погнулись. Тогда он как ударит мечом по наковальне – так наковальня и раскололась.

– Ну, теперь, – говорит, – я готов.

Оделся в ту кольчугу, да и пошёл к львиной пещере. А лев уже порядком проголодался и собирался на охоту. Смотрит – а тут добыча сама ему в пасть идёт.

Лев заревел, обнажил клыки и бросился с разгону на смельчака. Не успел тот и меч поднять, как лев уже прыгнул на него всеми четырьмя лапами. Только латы этот удар выдержали, а лев зря когти сломал.

Рыцарь взмахнул мечом и отрубил ему голову. Наколот её на меч и понёс людям показать.

С тех пор так и прозвали ту гору – горой Льва. И город такое же название получил.

Львовские львы

Лев был символом и гербом Львова со времён его основания, а в 1270 году папа Сикст V украсил герб ещё тремя холмами и звездой. Львовский бургомистр Мартын Кампиан в начале XVI столетия установил изображение львовского герба на самую верхушку Ратуши в виде железного флажка, исполняющего роль флюгера. С тех пор с этим флюгером жители Львова связывали все свои надежды и ожидания, поскольку считалось, что он безошибочно угадывает все повороты судьбы.

А судьба города тогда уже не была такой же безоблачной, как раньше. Войны, осады, эпидемии, штурмы казацкие, татарские, московские. И крутился тот Левик или, как его ещё называли, Левец, крутился, возвещая всё более тяжёлые времена, а 9 июля 1672 года во время бури верхушку башни вместе с гербом сломал сильный ветер. Ну, тут уже все стали ожидать действительно большого горя, ведь было пророчество, что падение герба – к беде.

И в самом деле, вскоре после этого началась самая страшная за всю историю Львова турецкая осада. С Божьей помощью её удалось отбить, а на месте железного Левца прицепили позолоченного.

Но на этом мистическая роль Левца не закончилась. За год до того, как шведы захватили Львов в сентябре 1704 го-

да, ветер снова сбросил его с башни. А ещё через несколько лет молния ударила в Ратушную башню и уничтожила её верхушку, вновь сбросив Левца. После этого настали ещё более смутные времена – на польском троне оказалось аж два короля, а архиепископ львовский Константин Зелинский попал в неволю к Петру I.

В 1708 году верхушку Ратуши отстроили, и снова Ловец закрутился на радость и горе львовян. Тогда же в шар, венчавший флюгер, вложили своеобразное послание будущим поколениям, в котором говорилось: «Ловец, которого ты видишь, – чуткий караульный города, не спящий ни ночью, ни днём, всё он видит и всё своим блеском озаряет, он извещает не только о направлении ветра, но и обо всех несчастьях города. Сверху наблюдает он смену времён, вещей, людей, и величественным голосом возвещает, что ничего нет под солнцем ни вечного, ни счастливого».

Рождение короля

Будущий король Речи Посполитой Ян III Собеский родился 2 июня 1624 года вечером накануне праздника Троицы в посёлке Олеско. В тот день приключилось странное происшествие. Как только повитуха обмыла младенца и положила на чёрный мраморный стол, поверхность стола будто молния расколола – трещина разделила его на две половины.

Все присутствующие крайне удивились. И только отец Семашко из монастыря василиан нашёл объяснение этому событию:

– Видно, этот младенец получил благословение Господне на то, что завоюет славу во всём христианском мире. Однако позднее эта слава расколется и принесёт нам вред.

Со временем из того стола сделали два стола меньшего размера и перевезли в Подгорецкий замок.

Посвящение в рыцари

Когда король Ян Собеский разбил в 1675 году турок, окруживших Львов, то место победы в народе называлось Снесеньем. В те времена там простирались леса, а король любил охотиться на вепря. Как-то на охоте встретил он старого крестьянина, собирающего дрова, и спросил:

– А ты из какого народа? Турецкого или татарского, что у тебя волосы на голове чёрные, а борода седая?

Человек, не зная, с кем говорит, улыбнулся и отвечал:

– Я из того же рода, что и другие люди. Не удивляйтесь, что борода до срока поседела. Голова летом прикрывается лёгкой шляпой, а зимой – шапкой овчинной. Потому-то там волосы чёрные и здоровые. А бородища бедная летом жарится, а зимой, не укрытая, мёрзнет. То ошпарится борода горячим борщом, а то молоком, в другой раз на ней зимой вода замёрзнет. Вот и не удивительно, что волосы на ней так быстро поседели.

Понял король, что старик тот непростой, и продолжил беседовать с ним. Тут к ним и шляхта, сопровождавшая короля на охоте, присоединилась. Они с любопытством прислушивались к беседе. В конце концов король приказал человеку везти дрова во львовский замок.

Под вечер приковылял крестьянин с дровами к королевскому замку, думая, что дрова ему заказал какой-то коро-

левский вельможа. Тут его перехватили шляхтичи, взяли в свою компанию, накинули на плечи кунтуш, да ещё и подпоили. Наговорившись вволю со стариком, они решили ещё и короля порадовать. Вот и подбросили они ему мысль посвятить старика в рыцарское звание. Король согласился, вошёл в церемониальный зал, сел на трон, взял в руки яблоко и булаву, а на голову корону надел. Вокруг него выстроилась королевская стража, обнажив мечи и держа знамёна. А когда всё было готово, туда ввели крестьянина.

Тот, теперь только увидев, с кем шутил, не на шутку испугался, вспомнив все выражения, в которых он не очень-то стеснялся. А когда ему к тому же приказали встать перед королём на колени и нагнули голову под книгу, откуда король читал непонятные ему слова, душа его в пятки ушла. Наконец краем глаза он увидел, что король высоко занёс острый меч, чтобы, согласно обряду, ударить его по плечу и произвести в рыцари.

Тут уже бедного мужика совершенно покинула отвага, он потерял самообладание и, когда королевский меч опустился ему на плечо, то от страха он издал громкий пук. Тот звук прозвучал на весь зал, шляхта отскочила от крестьянина и начал бранить его. А тот, обрадовавшись, что ему не отрубили голову, сказал:

– Не сердитесь на меня, ясновельможные паны! Ведь когда шляхетство через плечи входит, холопство с другой стороны выходит!

Откуда смех во Львове взялся

Львов всегда славился тем, что в этом городе любили и умели смеяться, шутками увлекались, а улыбки носили на лицах, будто навсегда приклеенные. Городом улыбки называли Львов до Второй мировой. Как написал львовский писатель Корнель Макушинский, «хорошо смеётся тот, кто смеётся во Львове». Только с появлением большевиков львовяне начали ходить с такими минами, будто им уксуса в рот налили.

А городом улыбки Львов стал ещё в давние времена, когда открыл для себя тайну радости. По легенде, ключ к ней привёз какой-то очень истощённый, ободранный человек, который сбежал с турецкой галеры, где годами не видел ни солнца, ни цветов, ни лоскутка земли. И когда он наконец прибыл во Львов и обнаружил, что люди, которые постоянно видят солнце и цветы, деревья и траву, при этом радуются не так сильно, как следовало бы, он собрал вокруг себя большую толпу и, идя по улицам, выкрикивал:

– Люди! А какого цвета небо?

– Голубого! – ответил хор удивлённых голосов.

– Ну так давайте же радоваться! – крикнул странный человек и сам начал смеяться от чистого сердца. – А какого цвета деревья?

– Зелёного!

– Так давайте же смеяться!

И смеялся тот человек так, что люди подумали, что он не в себе. Но поскольку смех заразителен, то начали и они смеяться. Смеялись потому, что крыши – красные, а сирень – лиловая, а яблоневый цвет – розовый, а вишнёвый – белый, и потому, что всё так прекрасно сочетается, создавая непрерывный радужный пояс радости, идущий прямо из истоков Божьей красоты.

На громкий смех примчался сам бургомистр Боим и с удивлением узнал о причине радости. А так как человеком он был умным, то быстро оценил её особое значение, и сам смеяться начал, а потом одарил человека одеждой и деньгами, а его имя приказал в городскую книгу записать. Говорят, что тот странный человек сразу же и роздал всё, что получил, считая, что радости убранства ни к чему.

Очень то был добрый и мудрый человек. Жаль, что имя его утрачено, ведь та книга сгорела во время пожара.

Шелудивый Буняк

Под 1663 годом хроникёр Томаш Юзефович записал, что погиб казацкий предводитель Шелудивый Буняк, заклятый враг поляков, дьявол в человеческом обличье.

Эту историю Юзефович слышал от самих козаков. Буняка Шелудивым прозвали за то, что у него была пархатая голова. Неизвестно, откуда он прибыл, но, присоединившись к казацкому войску, он проявил такую отвагу и такую ненависть к полякам, что вскоре его выбрали главарём. Он был не только невероятно смелым, но и неуязвимым – ни пули, ни стрелы, ни сабля, ни копьё не брали его.

Раз в месяц Буняк купался, и всегда ему при этом прислуживал кто-то из казаков. Когда купание заканчивалось, Буняк того казака убивал. Причина заключалась в том, что голым он был похож на труп или на смерть – одна кожа да кости. С одним уточнением: на животе кожи не было, и видны были внутренности, которые ужасно воняли. Эту-то свою тайну Буняк и охранял.

Поскольку казаков он выбирал по списку, то каждый следующий казак уже знал, что его ждёт. И вот один казак, которому подспела очередь прислуживать Буняку во время купели, предчувствуя смерть, навестил свою мать и рассказал ей о том, как гибли другие казаки и что его ждёт.

– Посоветуйте мне, мама, – попросил казак, – как мне спа-

стись.

Он был у неё единственным, и женщина ни за что не хотела его потерять. Она замесила тесто на молоке из своей груди и испекла корж. Дала его сыну и посоветовала:

– Когда Буняк выкупается и будет выходить из ванны, вытащи этот корж и начни его есть да причмокивать, будто он невесть какой вкусный.

Так казак и поступил. Когда Буняк увидел, как казак тот корж уплетает, то попросил и себе кусок. Казак дал ему половину, и Буняк съел всё до крошечки, потому что корж очень вкусным был. А когда съел, то сказал:

– Тебе удалось смерти избежать, потому что мы оба молоко одной матери ели.

И так тот казак спасся.

Пернатый конь

В 1911 году произошло странное происшествие: по Львову ходил конь в перьях. А случилось вот что. К одной ресторации подъехала телега, полная бочек с вином. Одна бочка упала и разбилась, а вино вытекло на брусчатку. Пока бочки разгружали, конь прилично того вина нахлебался.

Через какое-то время возница завёл коня в конюшню, а тот сразу повалился на солому. Лёг, да копыта откинул.

– Вот зараза! – говорит возница. – Конь сдох, так хоть шкуру продам.

Пошёл он к живодёру, а тот раз-два, и шкуру с коня содрал.

Тем временем на другой день утром конь наконец-то пришёл в себя и вышел из конюшни. Люди с воплями сбегались на чудо посмотреть. Была осень и дули ветра. Бедные женщины охать начали, что коню холодно, и быстро принесли целую корзину перьев, и его с ног до головы обсыпали. Перья сразу же прилипли, и конь превратился в сказочное существо.

Жаль, что нас с вами там не было.

Механический покойник

Жила во Львове богатая семья Бачевских, которая на весь мир прославилась своим водочным заводом. Водка Бачевских получала много международных наград и принесла семье большое имение. Ещё при жизни Юзеф Адам Бачевский (1829–1911) построил часовню на Лычаковском кладбище, а перед смертью заказал в Париже специальное оборудование, с помощью которого покойник самостоятельно попадал на кладбище. Водочный магнат не очень хотел, чтоб его везли, а потому катафалк с гробом ехал сзади. Механический робот, который доставил Бачевского на кладбище, также положил его и в гроб.

Всю эту картину наблюдала, затаив дыхание, многотысячная толпа. Со стороны это выглядело так, будто покойник сам идёт. Народ крестился и перешёптывался, не стоит ли ночью тихонечко раскопать «упыряку» да в грудь осиновый кол забить. Потому что ну где ж это видано, чтобы покойники сами на кладбище ходили?

Ночь на кладбище

В XIX столетии в Стрыйском парке было старое заброшенное кладбище. Везде царило запустение. Надгробия были уничтожены, часть их разобрали для строительных работ, могилы и кресты потонули в кустарниках и бурьяне.

Однажды в корчме на Персенковке гуляла компания батяров². Когда все уже немало выпили, начали вспоминать разные жуткие истории о ведьмах, упырях и проклятых местах. Кто-то вспомнил и кладбище в Стрыйском парке. Ходили слухи, что ночью там появляется привидение, а потому затемно все старались обходить это место десятой дорогой.

В той компании был и Тадзьо, известный на всю округу хулиган и разбойник. Хлебнув как следует водки, он начал товарищам рассказывать, что ничего на свете не боится и сможет на кладбище переночевать.

– Потому что я, хлопцы, ничего не боюсь. Ни чёрта, ни дьявола, ни чёртовой матери.

– Ладно, раз ты такой смельчак, так, может, переночуешь на кладбище?

– А что? И переночую! Спорим?

– Спорим! Бочонок цмаги!

Тадзьо взял бутылку водки, кусок колбасы, хлеб и несколько луковиц, накинул на плечи длинный плащ и, за-

² Батяр – пройдоха, плут (гал.).

сунув нож за голенище, повёл компанию в Стрыйский парк. Перед самым кладбищем товарищи остановились, и дальше Тадзьо отправился один.

Он осторожно ступал между руин, путаясь ногами в цепких плетях ежевики, пока не выбрал более ровное место. Тут он сел на поваленное дерево, вытащил нож, нарезал колбасы, хлеба, потёр луковицу и, воткнув нож в полено, открыл бутылку да стал причащаться. Для храбрости он даже песенку какую-то запел.

Но тут зловеще ухнула сова, из-за туч появился жёлтый серп месяца, внезапно в кустах напротив что-то затарахтело, будто кто-то приближался. Тадзьо сразу же притих и почувствовал, как дрожит мелкой дрожью. Вмиг протрезвев, он бросился было бежать, но какая-то невидимая сила не дала ему и шагу сделать, что-то прижало его к бревну.

Тишину разорвал крик ужаса. Через какое-то время всё затихло. Под утро, когда батяры вернулись на кладбище, они увидели мёртвого Тадзя, который с выпученными глазами сидел на бревне, облокотившись на надгробие. На его теле не обнаружили ни каких-либо ран, ни других следов смерти. Только пола плаща была приколота ножом к бревну.

Как Збоиска получили своё название

В древние времена за Полтвой рос очень густой лес, в котором селились одни баниты, то есть изгнанники. Это были люди, которым в наказание за их поступки под страхом смерти было запрещено показываться в пределах города. Разбойники и опрышки, или, как их называли, «збои», были такими отчаянными, что не признавали над собой никакой власти, а слушали лишь своего атамана.

Ватаги поселенцев жили тем, что нападали на купеческие обозы, грабили помещиков и мещан. И не мог магистрат никак справиться с разбойниками, потому что как только воины отправлялись их усмирить, они сразу же прятались в лесах.

В 1691 году ко Львову подошли татары. Они легко захватили Замарстынов и уже готовились штурмовать город, как внезапно ватага бандитов неожиданно наскочила на них сзади. Нападение было таким внезапным, что бандитам удалось проникнуть в самое сердце татарского лагеря и зарубить нескольких вражеских предводителей вместе с вожаком. Поднялся переполох, татары, запутавшись в количестве нападавших, бросились наутек, и многие из них погибли в топях, утонули в Полтве.

За этот подвиг магистрат простил «збоям» все их преступления и позволил появляться в городе, но при условии,

что они прекратят заниматься разбоем, а возьмутся за хозяйство. Так и случилось. С тех пор это поселение получило название Збоиска, или Збоища.

Старший над тачками и парламентом

Гору у Высокого замка, или, как её называли, горбик Люблинской унии, начали насыпать в 1869 году. Инициатором и учредителем был многолетний посол в галицком сейме и в австрийском парламенте в Вене, а позже и спикер Франтишек Смолка. Он так увлёкся своей идеей, что лично возил тачками землю.

То, что, с точки зрения археологов, вся эта затея была совершенной бессмыслицей, поскольку искусственная насыпь навредила бы историческим исследованиям, – это совсем другое дело. Зато бургомистр, толкающий тачку, – зрелище незабываемое

Однажды за этим сизифовым трудом наблюдал австрийский генерал, который прогуливался по губернаторским валам. Его внимание привлёк тучный бородач, который, истекшая пóтом, толкал тачку. Генерал остановился и поинтересовался:

- Вы, наверное, тут всем руководите?
- Ах да, да, когда время есть, – ответил Смолка.
- А кроме этого чем занимаетесь?
- А кроме этого руковожу австрийским парламентом.

Как увидеть Вену

Во львовском пригороде рассказывали свою историю о том, как был насыпан холм. После того, как в 1848 году цесарь отменил панщину, паны не могли смириться с этим и бунтовали. Наконец цесарю надоело слушать их жалобы и подавлять бунты, и он поставил условие:

– Если вы во Львове насыплете такую высокую гору, чтобы с неё Вену можно было увидеть, я верну вам панщину.

Паны ухватились за эту возможность и бросились гору насыпать. Землю возили тачками, носили в мешках и дерюгах, и только насыплют несколько метров, как кто-то взбирается на гору и смотрит в телескоп, не видно ли Вены. Но нет – слишком низко.

Долго возили они ту землю, аж руки у них немели, ноги подкашивались, в голове темнело. Так и не сумели насыпать достаточно высокую гору, и пришлось им оставить это неблагодарное занятие. А чтобы работа зря не пропадала, её посвятили Люблинской унии.

Как воевода Билык боролся с нарушителями

Альфред Билык в 1936 году был воеводой Тернополя, в 1937-м стал воеводой Львова. Его кабинет был в теперешней администрации.

Как-то пожаловался ему комендант полиции, что не может справиться с мужиками, которые постоянно ездят телегами по левой стороне дороги. Полицейские выписывали штрафы за нарушение движения, но это мало помогало.

– А зачем же штрафы? – удивлялся воевода. – Надо их просто научить, что нужно ездить только по правой стороне.

– Не так-то это просто, пан воевода, – разводил руками комендант. – У нас мужик обычно ездит одним конём, а тот конь, которого извозчик пускает свободно идти по обочине, обычно идёт по левой стороне, потому что так всегда делалось в Австрии.

– Ой, да ну что вы говорите! Вы разве в цирке не бывали? Коня всему научить можно. А мужиков не штрафовать надо, а подарки вручать, если хоть раз по правой стороне поедет.

Комендант в ответ посмотрел на него, как баран на новые ворота: какие подарки? Но в тот же день Билык заказал у директора сталеварни сто складных ножей с выгравированной на лезвии надписью: «От львовского воеводы».

С тех пор каждый извозчик, завидев бьюик воеводы, тут

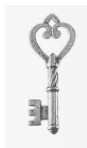
же ударял коня батогом и гнал на правую сторону, чтобы получить нож, которым можно было потом похвастаться перед соседями. Слава о подарках воеводы катилась потом по всему воеводству. И так постепенно, постепенно австрийская привычка канула в небытие.

Король Данило и его шут Олелько

Книги Олелька

В летний день, когда солнце разливало по всему городу своё тепло, Олелько никак не мог усидеть в хмурых стенах замка. Но король, решая важные государственные дела, желал, чтобы он всегда был при нём, чтобы развлекал шутками его отяжелевшую голову.

Однажды Олелько не выдержал духоты в замке и сказал:

– Августейший король, позволь мне хоть сегодня отлучиться, ведь у меня есть срочное дело.

– Какое же? – удивился Данило.

– Да вот, нужно книги просушить, чтобы не зацвели.

Король решил отпустить Олелька, а тот, прихватив дрючку, постелил её в саду да и задремал сладенько брюхом кверху.

Где-то под вечер вышел в сад и король, а с ним вместе и бояре гуртом. Тут видят – лежит Олелько, даже похрапывает.

– Эй, Олелько! – окликнул его король. – Ну как, просушил уже свои книги?

– Ага, вот сушу как раз.

– А где же они?

– Так вот где! – хлопнул себя по голове Олелько.

Королевский подарок

Пасхальное воскресенье выдалось солнечным и тёплым. Олелько, закончив завтракать, вышел на улицу и сразу же лоб в лоб встретился со своим кумом Андрушком, который был боярским челядинцем. Тот плёлся так понуро и печально, будто был только что с похорон. В руках он держал что-то завёрнутое в платок.

– Кум! – схватил его за плечи Олелько. – Что с тобой?

Кум молча развернул платок и показал раздавленное пасхальное яйцо. По оставшимся скорлупкам можно было догадаться, что узоры на крашанке были необычайно красивые, но что теперь это просто скорлупа.

– Так ты из-за этого яйца расстроился?

– Знал бы ты, что это за яйцо! – вздохнул кум. – Рисовала его моя боярыня. А боярин вот послал меня, чтоб я королю отнёс. Вот несу я, несу, как вдруг откуда ни возьмись выбежала ребятня – и на меня. Я споткнулся... и вот... сам видишь...

– Так куда же ты идёшь?

– А куда глаза глядят. Что мне боярину говорить? Он ведь у меня знаешь какой? Сразу по морде и даст, не посмотрит, что воскресенье святое.

– Ну, кум, не горюй. Пойдём вместе к королю, может, что и придумаем.

Пришли они в замок, и Олелько сказал:

– Давай мне свою крашанку, а сам тут подожди.

Взял он свёрток и осторожноенько его понёс, высоко поднимая ноги и обходя лужи, а когда ступил на ступеньки, то и вовсе пошёл, как цапля по болоту.

Стража на дверях уставилась на него и не могла понять, что это Олелько вытворляет.

– Эй, Олелько! Что за клад несёшь?

– А таки клад, таки клад, брат. Несу королю яйцо пасхальное от боярина.

– Красивое, наверное!

– Не то слово! Чудо, а не яйцо!

– Так ты, наверное, что-то за него в ответ получишь?

– Скорее всего, получу.

Но тут стража скрестила алебарды.

– Придётся, Олелько, подождать. Королевская семья ещё завтракать не закончила и никого чужого видеть не желает.

– Так разве ж я чужой? – удивился Олелько. – Да я, можно сказать, королю самый родной человек. Вот увидите, что он вам ещё по золотому даст за то, что впустили.

– А ты нам что дашь?

– А я вам отдам то, чем меня король наградит.

– Ну смотри! С нами шутки плохи. Иди, но помни, что пообещал.

Олелько прошёл в замок, но около дверей, ведущих в королевскую столовую, стояло ещё двое охранников.

– Стой! – остановили они Олелька. – Ещё завтрак не закончился.

– Но я не могу долго ждать. Несу очень ценный подарок.

– А нам что с того? Велено не пускать – мы и не пускаем. Но Олелько упёрся, как осёл, и двинулся всё-таки к дверям.

– Куда прёшь? – преградили дорогу воины. – Говорят тебе, подожди!

– Какое там подожди? Вы что, забыли, с кем дело имеете?

И тут, когда стража начала его отталкивать, Олелько притворился, будто его невесть как сильно толкнули, и рухнул как подкошенный на пол.

В ту минуту распахнулись двери, и на шум вышел король:

– Олелько! Да что с тобой, бедняга?

Олелько со слезами на глазах развернул платок, а там – мелкие скорлупки.

– Ай-ай-ай! – запричитал он. – Что я своему куму скажу? Да боярин же забьёт его! Ай-ай-ай!

Стража испугалась:

– Он сам упал, мы его едва толкнули. Кто же знал...

– Ну, ну, успокойся, – сказал король. – Ничего страшного не случилось. Ты же не виноват. Давай мне эти скорлупки. Никто и не узнает об этом приключении. Так ведь? – обратился он к страже.

– Да чтоб нам Перун головы снёс, если что-то произошло! – в один голос ответили воины. – Ничего мы не видели

и не слышали.

– Ну вот и хорошо. На, Олелько, передай своему куму вот эти деньги от короля и скажи, пусть от меня боярина поблагодарит. А тебе же, бедолаге, тоже надо что-то дать, чтобы праздник испорченным не оказался?

– А можно, я сам себе награду выберу? – обрадовался Олелько.

– Ну выбирай, – махнул рукой король.

– Ничего мне не надо, только десять ударов плети по голому заду.

– Вот выдумал! Да никогда в жизни!

– Так вы ж обещали!

– Да где ж мне было твой каприз угадать! Да ещё на Пасху!

– Ну, тогда я всем расскажу, что король слова на ветер бросает, – настаивал Олелько.

– Так вот ты как! – кивнул король. – Ладно. Получишь своё вознаграждение. Ну-ка, стража, влепите-ка ему десять горячих.

– Эй! Тпру! – вдруг остановил Олелько воинов, которые уже было бросились на него. – Не мне эта награда, а тем, кто за дверями. Я пообещал им, что если меня пропустят, то получат всё, чем меня король наградит. Ну так пожалуйста – они там от нетерпения уже сами яйцо снесли.

– Что? – спросил король. – Мою стражу удалось подкупить? Дайте им десять плетей от Олелька и ещё десять от меня, чтобы помнили. Но не сейчас. После праздников.

Конкурс художников

Как-то при королевском дворе пребывал один очень талантливый маляр с земли лядской. Рисовал он портреты бояр и князей, а те охотно ему платили. Но самым занимательным было то, что рисовал он быстро и живо, как никто другой. Сам король, увидев его работу, удивился и похвалил.

Услышав это, Олелько сразу же надулся:

– Пфф, было бы чему удивляться. Если б я захотел, я б ещё не такое нарисовал, и к тому же быстрее, чем он.

Король поймал его на слове:

– Неужели? Ну, тогда мне следует убедиться в твоих способностях. Готов ли ты с лядским художников посоревноваться?

– Да хоть сейчас.

Приказал король принести дощечки. Одну для маляра, другую – для Олелька.

– С портретами долго возиться, – сказал король. – Что бы вы такого нарисовали, чтобы побыстрей?

– Я могу нарисовать любого зверя быстрее, чем ты, король, пять глотков пива сделаешь, – с вызовом заявил художник.

– Да ну! А я не одного, а целых пять зверей нарисую, – буркнул Олелько.

Король взял кубок с пивом, сделал первый глоток, и ху-

дожник сразу же начал рисовать. Олелько тем временем и сам пива опрокинул, и когда король из кубка надпивал, то и он себе хлебал.

– Не бойтесь, сейчас и я работать начну. Должен же я обдумать, что мне рисовать... а, уже знаю.

И тут Олелько макнул все пять пальцев в красную краску и вывел на дощечке пять волнистых линий. Сделал он это как раз вовремя, ведь как только король в последний раз поднёс кубок ко рту, художник закончил вепря рисовать.

– Я выиграл, – сказал Олелько.

Король так и замер, рот раскрыв. Такого нахальства он не ожидал.

– Ты выиграл? А что ж ты накалякал?

– Как и обещал, целых пять зверей.

Все присутствующие обступили Олелька и его рисунок

– Каких зверей? – спросил король.

– Пять дождевых червей.

Хохот прокатился по залу. Смеялся даже лядский живописец. Ведь и ему пришлось признать, что Олелько его перехитрил.

Данило в гневе

Король Данило разозлился на боярина, который не послал своих воинов в поход на ятвягов, и велел его казнить.

Перед самой казнью примчали на конях боярыня с сыновьями и бросились просить у короля милосердия. Но тот был в гневе и слушать ничего не хотел.

Тогда боярыня припала к Олельковым ногам с надеждой, что, возможно, хоть королевский любимец сумеет спасти мужа.

Олелько не выдержал этого плача и обратился к королю:

– О, светлейший король...

– Замолчи! – оборвал его тот на полуслове.

– Умоляю!

– Олелько! – снова гаркнул король. – Что бы ты ни попросил – обещаю, что не выполню твоей просьбы!

– Да я лишь хотел сказать, что вы, как всегда, справедливы. И я прошу вас на коленях, казните этого негодяя. Он этого заслужил.

Данило грозно сверкнул глазами, но ему пришлось признать, что Олелько его обхитрил, и он лишь рукой махнул. Боярина помиловали, и он счастливо вернулся домой.

Слепые и зрячие

Как-то король в шутку спросил Олелька:

– Олелько, скажи мне, при нашем дворе кого больше – слепых или зрячих?

– Слепых, – не раздумывая выпалил Олелько.

– Как же так, слепых? – удивился король. – А можешь это доказать?

– Конечно, могу. Только дай мне писаря в помощь. Пусть стоит около меня и записывает, как я ему продиктую.

На следующий день посреди двора замка Олелько расстелил полотнище, положил себе между ног гуся и принялся его общипывать. За спиной у него стоял писарь с воловьей кожей, поделенной на две половины. Слева следовало вписывать слепых, а справа – всех зрячих.

Не долго и ждать пришлось, как во дворе появился король, очень удивлённый этой картиной.

– Олелько, а что это ты делаешь с самого утра?

– Гуся ощипываю, – невозмутимо ответил тот.

Король покачал головой и отошёл. Проводив его глазами, Олелько велел писарю:

– Запиши его величество к слепцам.

В течение дня во дворе появлялись бояре и боярыни, воеводы и посадники, князья и княжны, королевны и королевичи, и редко кто из них не останавливался и не заинтересо-

вался у Олелька, чем же таким он занимается. И на все эти вопросы Олелько терпеливо отвечал:

– Гуся ощипываю.

Когда начало смеркаться, и король со свитой сели ужинать, появился Олелько с ощипанным гусем и писарем.

– Ну что, Олелько, составил ли ты уже список слепых и зрячих?

– А как же, всё у меня готово. Вот, прошу послушать.

И первым слепцом писарь зачитал самого короля.

– Олелько, ты меня в слепцы записал? Как же это возможно?

– А припомните-ка, как утром я сидел и гуся ощипывал, а вы меня спросили, что я делаю.

– Ну?

– Если вы не видели, что я делаю, то как вам можно зрячим считать? Всех, кто меня об этом спрашивал, я велел в слепцы записать. А зрячих оказалось совсем мало. И я рад, что среди них также наш королевич Левко. Только он и крикнул мне: «Бог в помощь!»

Королевский конь

У короля Данила был любимый конь Ветер, который в боях не раз служил ему верой и правдой. Когда же тот конь постарел и не мог больше со всадником мчать, как ветер, король отдал его доживать век в конюшне. При этом он сурово приказал, чтобы коня берегли как зеницу ока. А тот, кто сообщит о смерти коня, попадёт в руки палача.

Но смерть на приказы внимания не обращает. Пришёл тот чёрный день, когда конь таки издох. И каждого охватил такой страх, что он уже мысленно с семьёй прощался.

Как раз в ту пору там очутился Олелько.

– Эй, Грыць! Ты чего так насупился? – спросил он главного конюха.

– А ты не знаешь, какой приказ король мне отдал? Должен я был коню как своему пану служить. А кто о смерти коня сообщит, того к палачу отправят. Сегодня тот конь ноги протянул, а я сижу и думаю, что же мне дальше делать. То ли сначала с семьёй попрощаться, то ли в замок пойти и всё как есть рассказать. Ведь никто за меня этого не сделает.

– Плохо ты, Грыць, друзей своих знаешь. Я пойду к королю и сообщу ему новость. А ты можешь больше не сушить головы.

И действительно направился Олелько к королю, стал перед ним и говорит:

– Милостивый государь, слышали новость?

– Какую же?

– Любимый ваш конь есть не ест, пить не пьёт, дышать не дышит и не шевелится.

– Так он, наверное, сдох! – воскликнул король.

– Вы правы, но это не я сказал, а вы. И можете с палачом сами договориться. А то я в этом не очень-то понимаю.

Король рассмеялся и наградил Олелька за такую остроумную проделку.

Пари

Иногда, шутя над королём, Олелько не знал меры, а потому и не удивительно, что однажды Данило выгнал его со двора.

Прошёл месяц, и король заскучал по своему шуту. Возвращаясь с охоты, он заехал к Олельку. Уже издалека услышал он шум и пение. Оказалось, что у того были гости. Каково же было удивление короля, когда он увидел стол, уставленный едой и напитками.

– О-о, а ты неплохо живёшь! – воскликнул король. – А я тут всё думаю, не умираешь ли ты с голоду с тех пор, как мой хлеб потерял, вот и везу тебе дичи с охоты.

– Такие, как я, не пропадут. Садитесь к нашему столу и угощайтесь.

– Откуда же ты берёшь деньги на банкеты?

– А я спорю на деньги.

– И выигрываешь?

– Когда как.

– Пospорь-ка со мной.

– Ваша воля. Можем поспорить на десять золотых, что вы станете на стол, а я ладонью трижды по столу хлопну, и вы сразу же на землю прыгнете.

– Только потому, что ты по столу хлопнешь? – рассмеялся король. – Ну давай.

Данило залез на стол и с насмешкой посмотрел сверху на Олелька. Шут хлопнул по столу и сказал:

– Вот это раз! А во второй раз я может под вечер хлопну. А третий – может, завтра, а может, послезавтра. А вы не грустите, пейте, ешьте. – И, подняв кубок, крикнул: – Здоровье нашего короля!

Данило рассмеялся и спрыгнул на земляной пол.

– Ты выиграл. Вот твоя десятка. А теперь я хочу, чтобы ты ещё с моим воеводой пари заключил.

– Ну, я уж знаю, чего от него ждать, – сказал воевода. – Меня он так легко не проведёт.

– Ладно, – согласился Олелько. – Но я хочу обсудить это дело только с паном воеводой и с вами, яснейший король.

Они вышли во двор, и Олелько сказал:

– Держу пари, что завтра в полдень у пана воеводы на заду чирей выскочит. Ставлю пять золотых.

И король, и воевода чуть со смеху не попадали.

– Хорошо, мы принимаем пари и завтра в полдень будем тут.

На следующий день король со все свитой прибыл в дом Олелька.

Сияющий вид воеводы говорил о его вере в победу. Король тоже радовался, что наконец удастся Олелька высмеять. Войдя в дом, они увидели целую толпу гостей. Все, очевидно, с нетерпением ждали, кто выиграет.

– Ты проиграл! – с порога выкрикнул воевода. – Нет у

меня никакого чирея.

– Ну что ж, такая моя судьба, – вздохнул Олелько. – Но я хотел бы удостовериться.

Воевода нерешительно затоптался на месте:

– Тут полно народу.

– Это свидетели. Когда имеешь дело с такими значительными людьми, лучше обеспечить себя свидетелями.

Одним словом, воевода сбросил штаны и выставил свой зад. Чирея не было.

– Я проиграл, вот ваши пять золотых, – сказал Олелько.

Но при этом он казался удивительно радостным.

– Не понимаю, чему ты радуешься? – не понимал король. –

Ведь ты проиграл!

– Наоборот – выиграл! С вами я поспорил на пять золотых, что у воеводы выскочит чирей. А со всеми присутствующими – на целую сотню, что воевода снимет перед ними штаны.

Смеялись все, кроме воеводы. Ну, оно и понятно.

Как Олелько яйца делил

Однажды, когда король Данило обедал у боярина Недана, тот решил поиздеваться над Олельком. Он положил перед ним семь яиц и сказал:

– Ну-ка, покажи, какой ты хват. Если разделишь семь яиц так, чтобы я, моя жена, оба моих сына и ты получили поровну, я дам тебе сотню червонцев. А если не сможешь, отработаешь у меня семь дней на конюшне.

Олелько притворился, что сомневается, а тем временем за столом поднялся шум – каждый его подначивал и подтрунивал над ним, ведь это задание казалось невозможным.

– Ага, боишься, – смеялся боярин. – Ума не хватает! Это тебе не дурака валять.

– Постойте-ка, не спешите, – сказал Олелько. – Сейчас я поделю так, что всем поровну будет.

С этими словами положил он одно яйцо перед боярином, два перед сыновьями, три перед боярыней, а одно – перед собой.

И снова гости загалдели, а боярин аж подскочил от радости.

– Ага, попался на крючок! Как же ты поделил, что всем не поровну? Ну, не миновать тебе моей конюшни.

– Ну уж нет, готовьте свои червонцы, – возразил Олелько. – Я всё поровну поделил.

– Это как же?

– Одно яйцо я дал тебе, и у тебя их стало три. Два дал твоим сыновьям – и у них стало по три. Одно я взял себе – вместе снова три. А ещё три я дал твоей жене, чтоб и у неё три было. Чем не поровну?

Гости громким смехом признали остроумие Олелька, и боярину пришлось заплатить заклад.

Вокруг носа

Как-то у короля Данила гостил ятвяжский князь Анкад, у которого был очень длинный нос. Как только все сели за стол, уставленный яствами, то Олелько примостился напротив князя и так нахально уставился на его нос, что Анкаду аж не по себе стало.

Наконец шут сказал ему:

– Какой у вас длинный нос! Впервые вижу нечто подобное!

Анкад побагровел от гнева, а король зарычал:

– Ну-ка убирайся отсюда, болван!

Олелька словно ветром сдуло, но ненадолго. Решив загладить свою невежливость, он через некоторое время вернулся. Так, будто бы ничего и не случилось, примостился он снова за столом и вздохнул:

– Господи, ну какой же у вас крохотный носик! Как же вы им сморкаетесь, даже представить не могу.

Анкад не на шутку вскипел и так сжал в руке кубок, что пальцы побелели. Король схватил со стола кости и запустил в Олелька:

– Гоните его к чёртовой матери! А ты, – повернулся он к Анкаду, – не сердись. Что с дурака возьмёшь?

Обед подошёл к концу. Гостям подали миски с водой руки сполоснуть. Но тут вновь появился Олелько. Подкрался он к

столу, положил себе на тарелку немного мяса и говорит:

– Бог мне свидетель! Есть у тебя нос или нет носа – меня это уже не волнует!

И после этих слов он бросился из зала наутёк. А вслед ему полетела нога вепря, которую метнул князь Анкад.

Чудодейственное зелье

Желающих посмотреть на новые проделки Олелька всегда было хоть отбавляй. А потому, когда он однажды с чрезвычайно озабоченным видом семенил через весь Рынок, со всех сторон посыпались вопросы.

– Эй, Олелько! Куда так спешишь?

– Да вот, говорят, на лугах растёт такое зелье, что им только тронешь кого – он будет за тобой, как щенок, бегать.

– А что ж это за зелье?

– Иду посмотреть.

– А нам посмотреть можно?

– Почему бы и нет? Пойдём

Вот и пошло за ним десятка два зевак.

Олелько вывел их за город и начал слоняться по лугам, выбирая, где побольше репейника да чертополоха.

– Где же то зелье, Олелько? – допытывались они.

– Сейчас, сейчас. Дайте осмотреться только, я его мигом узнаю.

– Так мы же за тобой уже неизвестно сколько канителиться.

– Разве я вас держу? Разве тяну?

– Нет, мы сами идём.

– Ага! Вот видите! Вы ещё того зелья и не видели, а оно уже действует: ходите за мной, как цыплята! А когда я его

найду, так вы и не отвяжетесь. Нет, пойдёмте лучше обратно в город, чтоб ему, этому зелью.

И Олелько отправился в город.

Весь Рынок смеялся над зеваками, когда те вернулись в репейнике, заляпанные и с кислыми лицами.

Учёные гуси

Когда Олелько оказывался в опале, ему приходилось нелегко, вот и брался он за любую работу. Жаль только, что она сама ему в руки не шла. А жена ругается – есть нечего. Идёт Олелько грустный, тут видит – в Полтве чьи-то гуси барахтаются. И такие крупные да откормленные.

– А чьи это гуси? – спрашивает у пастушка.

– Боярина Недана.

Олелько знал, что все бояре с королём в поход подались, и сказал:

– Передай боярыне, что я мог бы её гусей научить по-человечьи говорить.

Да и поспешил себе домой, усмехаясь. Глянь-ка, под вечер прибежал пастушок:

– Боярыня согласна. Хватит ли двух месяцев на науку?

Олелько секунду подумал и кивнул:

– Хватит.

– Ну, тогда завтра я вам гусей пригоню.

Но Олелько гусей учить и не думал, а потихоньку резал их по одному да и ел с женой.

– Ох, нам это с рук не сойдёт, – вздыхала жена, но Олелько лишь смеялся.

Прошло два месяца, и пастушок за гусями пришёл:

– Ну что, научились гуси говорить?

– А как же, галдят так, что хоть уши затыкай. Ну, скажу я тебе, беды не миновать, когда хозяин вернётся.

– А что такое? А то боярин как раз вернулся.

– Спроси у боярыни, что мне делать, а то гуси сговорились, что когда боярин приедет, то расскажут, как боярыня с оруженосцем шуры-муры водят. Да и не только это, ведь они, оказывается, много чего знают и о челяди: кто, с кем, когда...

Пастушок что было сил помчался к боярыне и всё ей передал. А та, выслушав его, не захотела про учёных гусей и слышать:

– Передай Олельку – пусть их к чёрту порежет и забудет, что брался когда-то учить. Проклятые гуси! Ты их корми, ухаживай, а они смотри какую пакость затеяли!

Олелько лакомится гусём

Собрались как-то за королевским столом разные высокие вельможи. Один галицкий боярин решил над Олельком подшутить и, показывая на выпеченного до золотистой корочки гуся, сказал:

– Ну-ка, Олелько, начни гуся есть. Но при условии! Вставишь в него нож, я тебе его в то же место вставлю. Оторвёшь ему ногу – я тебе оторву. Отломаешь крыло – я руку оторву. Шею скрутишь – тебе скручу. Шкуру сдерёшь – тебе сдеру. Куда его укусишь – туда я тебя укушу. Что с гусём сделаешь, то и я с тобой сделаю.

Весь стол с интересом стал ждать, как же выкрутится Олелько. Смолкли разговоры, стихло чавканье, было слышно, как пролетает муха.

А Олелько подступил спокойно к гусю, выставил указательный палец, всем его с улыбкой показал и, засунув гусю в зад, с аппетитом облизнул.

Хохот сотряс стены, а Олелько то палец засунет, то облизнет. Боярин вскипел не на шутку и не знал, что ему делать. Присутствующие подстрекали Олелька, чтобы боярину задок подставлял. И Олелько уже начал пояс расстёгивать, как вмешался король:

– Не будем, панове, портить себе вечер такой комедией. Думаю, достаточно будет, если боярин заплатит Олельку сот-

ню червонцев. Если только он не хочет...

– Нет-нет, – ухватился за королевские слова боярин и бросил Оленьку кошелёк с деньгами.

Сон

Один боярин за столом решил выставить Олелька на посмешище и говорит:

– Снился мне сон, будто бы мы с Олельком летали под облаками. Летали, летали, пока на землю не попадали. Только я в мёд упал, а Олелько – в навоз.

– Боже мой! – подхватил его речь Олелько, не дав никому рассмеяться. – Я видел такой же сон. Но вы не договорили, что дальше было. Когда мы выбрались – вы из мёда, а я из навоза, – то принялись друг друга облизывать. И мне, ей-богу, вкуснее было!

Тут уже прозвучал такой громкий хохот, аж тарелки запрыгали, а кубки зазвенели.

Каждому своё

За Краковскими воротами находился тир, где скромные львовские мещане, купцы и цеховые ремесленники превращались в храбрых рыцарей и охранников города. Каждый мещанин или гость города должен был под страхом наказания прибыть на тренировку по стрельбе из лука, метанию копья, а позже – по стрельбе из винтовки, ружья, пушки. И всё это, чтобы быть готовым стать на оборону города.

Однажды собрались в тире простые ремесленники. Кто-то пришёл сюда, как был, в фартуке, а кто-то, идя с рынка, принёс с собой то, чем торговал. И вот, когда очередь дошла до торговца подсолнечным маслом, он сбросил с плеча большой кувшин и взял лук. Пустил три стрелы, и все мимо щита. Несколько боярских сыновей начали над ним подшучивать, а маслобойщик чуть не плакал от обиды. Как вдруг откуда-то появился Олелько.

– Что вы насмехаетесь над человеком? – обратился он к барчукам. – Каждый в своём деле мастер. Он не умеет того, что умеете вы, а вы не способны на то, на что способен он.

– А что ж такое может быть, что он может, а мы нет? Масло бить? Так на это много ума не надо, – отвечали те.

– Хорошо, сейчас он покажет, на что способен.

– Ну-ка, ну-ка, – продолжали насмехаться барчуки, – пусть утрёт нам нос!

Маслобойщик растерянно поглядывал на Олелька, потому что не имел ни малейшего представления, к чему тот клонит. А Олелько снял с шеи цепочку с крестиком и показал всем:

– Вот как этот человек утрёт вам нос! Давайте-ка, уважаемый, – с этими словами он наклонился к маслобойщику и шепнул что-то на ухо, а тот закивал головой.

Толпа любопытных окружила их со всех сторон.

– Согласны ли вы поставить по пять золотых на то, что этот маслобойщик сейчас сделает такое, чего вы никогда не повторите? – спросил шут боярских сыновей.

– Согласны. А если вы проиграете, то ровно столько же заплатите нам! – сказали те и положили в шапку по пять золотых, а Олелько бросил в шапку свой кошелёк.

Маслобойщик заметно оживился. Он поставил посередине кувшин, зачерпнул масла, и в этот момент над черпаком появилась рука Олелька с цепочкой в пальцах. Маслобойщик наклонил черпак и тонюсенькая, как ниточка, струйка масла начала литься сквозь одно из маленьких звеньев обратно в кувшин. Все затаили дыхание. Струйка вытекла до капли. Олелько показал цепочку, и все удостоверились, что на нее не упало ни одной капли.

– Ну, хочет ли кто-то посоревноваться с маслобойщиком?

Пристыженные боярские сыновья покачали головами.

Олелько свой кошёлёк спрятал, а выигранные деньги маслобойщику отдал:

– Берите, отец, вы честно их заработали.

Цена бороды

Олелько, хоть был и шутом, но и в походы с королём ходил. После одного такого похода он получил арабского жеребца в полном обмундировании – молодого и горячего, как огонь.

Но жеребец оказался слишком уж резвым для спокойного и рассудительного Олелька, и он решил от него избавиться.

Тем временем на жеребца уже положил глаз боярин Струмило, который славился своей скупостью и только о том и думал, как бы выманить жеребца даром.

Встретил боярин Олелька и говорит:

– Слушай, Олелько, а давай меняться! Ты мне жеребца, а я тебе... я тебе...

– ...свою бороду! – ляпнул Олелько.

А надо сказать, что боярин очень гордился своей бородой – была она косматая и чёрная, словно смолой измазанная, да ещё и кудрявая и густая-прегустая. Боярин часто гладил её, щурясь от удовольствия и становясь похожим на кота.

– Ну, Олелько, ты попался! – обрадовался боярин, и они ударили по рукам. – Давай сюда своего жеребца.

Но только боярский конюх забрал коня, а Олелько напомнил о том, что борода уже принадлежит ему, боярин сказал:

– Э-э, мой дорогой, такого условия не было. Заберёшь её, когда я её сброю.

И, весело смеясь, пошёл своим путём. Но Олелько не очень-то переживал, ведь он знал, что рано или поздно боярин попадётся ему и уже не отвертится. А потому с улыбкой выслушивал все насмешки и шутки, которые сыпались из уст других бояр и челяди.

Где-то через неделю после того обмена устроил король Данило банкет и созвал бояр и знатных рыцарей. Был там, ясное дело, и наш Олелько, который только и ждал повода поквитаться.

Боярин Струмило по привычке удобно уселся и гладил свою косматую бороду, посмеиваясь в усы. Вдруг к нему подскочил Олелько, схватил его за руку и крикнул:

– Не смейте гладить мою бороду!

Боярин оторопел и растерялся.

– Ах, да-да, – отозвался король, – борода принадлежит Олельку. Гладить её права не имеете.

– Ну, ладно уж, – буркнул боярин и отнял руку.

Не беда, решил он для себя, зато теперь с большим удовольствием буду гладить её дома.

Но и Олелько не собирался так просто отступить:

– Яснейший король, эта борода моя, но не могу же я день и ночь следить, чтобы боярин её не трогал. Не мог бы я попросить о милости спрятать мою бороду в деревянную шкапулочку и закрыть на замок? Вот тогда я был бы уверен, что она в безопасности.

Всем, кто присутствовал за столом, эта идея очень понра-

вилаась, и они принялись наперебой советовать, как та шкатулочка должна бы выглядеть, да из какого дерева, и как её носить. А король только челяди подмигнул – ещё жаркого не подавали, а уже футляр для боярской бороды был готов.

Растерянный боярин позволил себе ту шкатулку на шею повесить и бороду закрыть. А закрыли её на защёлочку и ключик Олельку отдали. Вот потеха была!

Особенно тогда, когда принесли печёного вепря, а к нему лебедей, жаренных в яблоках, и целое блюдо поджаристых жаворонков. Весь стол себя не помнил от смеха, желая увидеть, как боярин будет со своей шкатулочкой есть.

Теперь только боярин смекнул, в какую попал беду, и хотя очень хотелось есть, не ел, а лишь, насупившись, глядел, как исчезают все эти лакомства. Но хуже всего было то, что он и пить не мог, а ему так хотелось попробовать роскошной македонской мальвазии!

Дома ещё полбеды – там он как-то приловчится. Но как же теперь быть? Всю жизнь с этой коробкой ходить? Это ведь и боярыню не поцелуешь! Вот горе-то!

А за столом веселье, какого давно не было.

– Что вам, друг мой, еда не по вкусу? – допытывался король. – Попробуйте-ка вот этого лебеда, которого я поймал. Таёт во рту. Даже жевать не нужно.

Король говорит, а все чуть не лопаются со смеху. Наконец боярин не вытерпел и позвал Олелька.

– Слушай, я хочу свою бороду назад выкупить.

Он это сказал тихонечко, а Олелько – на весь стол:

– Слыхали? Боярин Струмило хочет выкупить свою бороду! Посоветуйте мне, панове, какую цену назначить!

Ну, тут посыпались советы со всех сторон. Всего и не перечислить, что выкрикивали находчивые гости. Наконец Олелько согласился:

– Дадите тысячу золотых – борода ваша.

Боярину в зобу дыханье спёрло. Ничего себе сделочка! Да за такие деньги сколько бы он жеребцов купить мог!

– Восемьсот! – выпалил боярин.

– Ну, знайте моё сердце доброе, – согласился Олелько, – идёт!

И вот так боярин вернул свою бороду назад, а королевский шут заработал кучу денег.

Поцелуй за плащ

Говорят, нигде нет таких хитроумных женщин, как во Львове. Но Олелько плевать на это хотел.

Король подарил Олельку очень красивый плащ, и тот любил гордо прогуливаться в нём по городу. Проходя мимо дома тысяцкого, Олелько увидал в окне его молодую жену.

– Какой у тебя роскошный плащ! – восхитилась женщина.

– Ещё бы, мне его подарил сам король. Но если ты позволишь себя поцеловать, я тебе отдам этот плащ.

– Шутишь! – не поверила та.

– Отчего же шучу? Целуй да забирай.

Молодица глянула направо, налево, высунулась в окно и чмокнула шута в губы. Потом сорвала с его плеч плащ и исчезла.

Но Олелько и не думал так легко отдавать плащ. Он позвал её и попросил воды. Молодая женщина подала ему воды в глиняной кружке. Шут напился и разбил кружку об землю. После этого он уселся на завалинке и стал ждать хозяина. Когда тысяцкий вернулся домой, то крайне удивился, увидев у дома Олелька.

– Ты чего тут сидишь? У тебя ко мне дело?

– Да нет. Просто я проходил мимо вашего дома и попросил пить. Ваша жена подала мне воды, но я упустил кружку и разбил. Тогда она забрала у меня плащ, подарен-

ный королём.

– Зачем?

– В залог.

– Что за глупости! Чёрт с ней, с этой кружкой. Эй, Настя!

А ну-ка верни Олельку плащ! За какую-то дурацкую кружку плащ забрать! Да ещё и у кого – у королевского шута! Хочешь, чтоб над нами весь двор смеялся?

Вот так Олелько и вернул свой плащ.

Последняя выходка шута

После смерти короля Данила на престол сел молодой король Лев. Олелько в ту пору уже состарился, и для него начались тяжёлые времена. Жил он с женой бедно, а пойти снова скоморошничать при королевском дворе в преклонном возрасте уже не представлялось возможным.

Как-то утром сидели они с женой у печи да горевали, а в доме – ни рисового зёрнышка, ни маковой росинки.

– А ведь на нашей свадьбе сам король гулял! – вздыхала его жена.

– И вино рекой лилось! Целых два быка запекли! – облизнулся Олелько.

– Вряд ли ещё перед смертью так хорошо наедемся.

Упоминание о смерти пронеслось бабочкой в голове Олелька и закружилось вихрем.

– Есть! – шлёпнул он себя ладонью по голове.

– Что есть? – удивилась жена.

– Способ, как деньги достать! Пойду к королю и скажу, что ты умерла, а денег на похороны нет. Пусть даст мне сто талеров. Что ты на это скажешь?

– Ну если иначе никак, то пусть так. Только ж ты плачь да убивайся, а то не поверят тебе.

– Вот горе-то. Что-что, а плакать я не умею. Всю жизнь только то и делал, что смешил кого-то.

– А вот сейчас научился, – сказала жена и внезапно бросила пеплом прямо мужу в глаза.

Олелько вскрикнул и бросился к воде. Когда он наконец промыл глаза, они были красными, как свёкла, и слезились.

– Ну, теперь мне и самой плакать хочется, как только взгляну на тебя, – сказала жена, и старый шут поплёлся в королевский замок.

Всю дорогу тёр он глаза и носом шмыгал. Когда наконец он предстал перед королём, который как раз осматривал на конюшне жеребцов, вид у него был донельзя жалкий.

– О, кто к нам пришёл! – воскликнул король. – А что ты такой заплаканный? Что за горе у тебя?

– О, ваше высочество! Такое горе! Такое горе! Жена моя, царство ей небесное, умерла, а мне не за что ни похоронить её, ни поминки устроить.

– Да что ты говоришь? – покачал головой король. – Горе у тебя и впрямь большое. Одним сочувствием я тебе не помогу, зато могу денег дать. Сто талеров хватит?

– Ой, хватит, пан, хватит.

Взял Олелько деньги, пришёл домой, а жена и говорит:

– Послушай, благоверный. Если тебе удалось, то и мне удастся. Пойду-ка я к королеве Констанции и скажу, что ты умер, должна и она меня пожалеть.

Олельку эта идея понравилась, и он согласился.

Женщина пришла в королевский замок, рыдая так, что все псы во дворе заскулили. От горя она рвала на себе во-

лосы. Констанция подстригала во дворе розы. Она не знала жены Олелька, но служанки объяснили ей, кто это. Королева сочувственно выслушала историю смерти Олелька и сама прослезилась.

– Хватит ли вам сотни талеров? – несмело спросила она.

– Хватит, ваше высочество, храни вас Бог!

Вернулась жена шута с деньгами домой, и принялись они обед готовить, потому что ещё до её прихода Олелько закупил мяса и овощей и доброго пива да вина.

Настала обедняя пора и в королевском замке. Как только за столом собралась вся семья, король тяжело вздохнул и сказал:

– Бедный Олелько, такое с ним горе приключилось – умерла у него жена!

– Что вы говорите! – всплеснула в ладони королева. – Так я же её недавно видела! Пришла ко мне сказать, что Олелько умер.

– Это невозможно! – возразил король. – Олелько не умер, это его жена умерла!

– Что-то вы напутали. Жена его жива, а вот Олелько как раз таки умер! – стояла на своём королева.

– Да я утром его видел! С напухшими глазами пришёл и носом шмыгал!

– То же самое и жена его делала.

Наконец король послал кого-то из прислуги выяснить, что из этого правда.

– Ваше высочество, – произнёс, вернувшись, посланник. – Олелько сидит на пороге и горько плачет, а жена его лежит на столе.

– Ну, ясно, это же твой слуга, вот он в твою пользу и говорит, – сказала королева и послала в свою очередь к шуту служанку.

Та вскоре вернулась и говорит:

– Моя пани! Я видела опечаленную жену Олелька возле его тела на столе. Бедный Олелько утром умер.

Ну, это было уже слишком. Король и королева прервали обед и направились вдвоём в дом Олелька. Войдя внутрь, они увидели на столе обоих: Олелька и его жену. Оба выглядели такими мёртвыми, что мертвее, казалось, не бывает.

– Дам пятьсот талеров тому, кто мне правду скажет! – воскликнул король Лев.

В тот же миг Олелько вскочил как ошпаренный:

– Слава яснейшему королю! Ваши слова и мёртвого на ноги поставят. Дайте эти деньги мне, ведь я один знаю всю правду, а никому эти деньги так не нужны, как мне и моей жене!

– Ей-богу, правду говорит, – подтвердила его жена и тоже встала со стола.

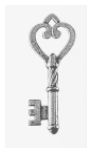
Король какой-то миг смотрел на них сердито, и казалось, что уже вот-вот грянет гром, но когда первой рассмеялась королева, то и он не сдержался. Заплатил Олельку пятьсот талеров и назначил содержание до конца дней.

Король лев

Меч и ножны

С шумом и гамом ворвался к королю боярин Корнило. За руку он держал какого-то перепуганного юношу и кричал не своим голосом.

– Что случилось? – изумился король. Разве тебе не известно, как следует себя вести в королевских палатах?

Боярин толкнул юношу на пол, да так, что тот упал на колени.

– Пусть признается, что обесчестил её, и я его убью! Пусть тут при всех признается!

– погоди. Кого обесчестил?

– Мою дочь!

– А доказательства есть?

– Какие ещё доказательства? Сегодня утром я их поймал на горячем! Нежились в постели!

– Ну, тогда мне твой гнев не понятен. Почему бы не поженить их? А я сватом буду.

– Ни за что! Никогда! Только меч нас рассудит! – с пеною у рта орал боярин. – Он над ней надругался!

– Меч? – переспросил король. – Ладно. Будет тебе меч.

Он подал боярину меч, а сам взял в руки ножны.

– Вложи свой меч в ножны.

Но только хотел боярин это сделать, как король – раз! – и повернул ножны другой стороной.

– Король! – воскликнул боярин. – Но как же я вложу меч? Ты не даёшь мне!

– Вот так бы и дочь твоя могла поступить. Не хотела бы, не дала бы. А коли уж дала, так не кричи о надругательстве. Можешь теперь их обоих убить, потому что этот юноша виноват не больше неё.

Сказав так, король поднял юношу с колен и сказал, чтобы тот шёл к родителям и сообщил им о свадьбе и о том, что об угощении сам король позаботится.

Юноша побежал что было сил, едва сдерживая радость, а боярин посопел-посопел, да наконец признал, что король всё справедливо рассудил, и поплёлся домой, чтобы жену и дочь порадовать.

Подкова и дукат

Король Лев славился своей силой, ведь на поле он рассекал одним ударом рыцаря в латах напополам.

Однажды подо Львовом его конь потерял подкову, и королю пришлось остановиться около кузницы.

Кузнец был парнем молодым и, не узнав короля, не выказал ему должного почтения.

– Есть ли у тебя готовые подковы? – спросил король.

– Есть, почему бы и нет?

– Но мне какая попало подкова не подойдёт, потому что конь у меня особенный.

Кузнец смерил коня взглядом, выбрал подкову и сказал:

– Вот эта должна подойти.

Король взял подкову, покрутил в руках, схватил её за оба конца и – рраз! – сломал напополам.

– Это что за подкова?! – удивился король. – Совсем слабая. Как раз для осла. Поищи другую.

Кузнец, недовольно качая головой, подал королю другую подкову, но и та треснула, как баранка. Тогда принёс он третью. Но и третью король сломал.

– Непрочные у тебя подковы. Но пора мне уже ехать. Раз другой нет, подкуй уже какой есть.

Подмастерье быстренько подковал королевского коня, и Лев дал кузнецу золотой дукат.

– Вот тебе за работу.

Хотел было уже отъехать, но его удивило поведение кузнеца. Вместо того, чтобы спрятать дукат в карман, кузнец покрутил его так и эдак, и тогда только хрсть! – и сломал, как пуговицу.

– Это что за деньги? – недовольно покачал он головой. – Других нет?

Король вынул второй дукат, но и его постигла такая же участь.

– Никудышные монеты наш король чеканит, – сказал кузнец, ломая и третий дукат. – Но что поделаешь... Раз других нет, возьму какие есть.

Тут уж король рассмеялся и, хлопнув кузнеца по плечу, сказал:

– Ну и шустрый ты парень! Сколько живу, никто ещё надо мной так не подшучивал. Ну-ка, приглядишься-ка повнимательнее к этому дукату.

Кузнец посмотрел на деньги, а потом на короля, стоявшего к нему боком, и тут же зарделся, как свёкла.

– Прошу прощения, ваше величество, я не хотел над вами насмеяться...

– Ну-ну, не переживай так уж сильно. Какие дукаты, такие и подковы. Мы квиты. Но не забудь, кузнец, когда татары снова нападут, ко мне на службу пойти. В тяжёлую минуту мне нужны рядом такие рыцари.

Как предсказатель хотел короля обмануть

Король Данило отправился в поход на ятвягов. И вот, когда войско было уже в пути, встретился ему один знаменитый вещун, о котором говорили, что он ещё ни разу не ошибался. Того предсказателя подкупили ятвяги, чтобы он королевское войско домой развернул.

– Остановись, король! – воскликнул старый вещун. – Остановись и не собирайся этим летом в поход, потому что звёзды мне сказали, что ждёт тебя поражение и мучительная смерть. Ты должен дожидаться, пока небесные светила не станут к тебе более благосклонными.

Король в нерешительности остановился, а так как бояре и воеводы верили этому предсказателю, то все начали отговаривать его от похода. И только королевич Левко твёрдо стоял на том, что этот предсказатель – мошенник и что скорее всего его подослали поляки.

– Хорошо, и как же ты мне докажешь, что он мошенник? – спросил король.

– Сейчас увидите, – ответил Лев и подошёл к предсказателю: – Если ты с лёгкостью предсказываешь будущее, то наверняка знаешь и день своей смерти.

– Да, знаю.

– Ну, и когда ты умрёшь?

– Умру я через двадцать пять лет и четыре месяца. Так мне звёзды сказали.

В тот же миг Левко достал меч и одни махом снёс вещуну голову. Голова упала к королевским ногам.

– Соврал, стервец, – сказал королевич и победным взглядом окинул окружающих.

– Выступаем! – крикнул король войску, и поход 1253 года принёс ему победу.

Кубок вина

После одного из военных походов Лев приказал казнить боярина, который не подоспел на подмогу со своим отрядом во время битвы, а остался выжидать в засаде.

Перед казнью боярин попросил вина. Ему подали кубок, но он никак не мог напиться, потому что сильно дрожали руки.

– Успокойся, – сказал король. – Тебя не казнят, пока ты не выпьешь этого кубка до дна.

Услышав это, боярин ударил кубком о камень, тот раскололся, вино разлилось.

Король дал знак палачу.

– Мой пан! – воскликнул боярин. – Разве ты нарушишь своё слово?

– Какое слово?

– Ты сказал, что меня не казнят, пока я этого кубка не выпью. Разве я выпил его, что ты меня к палачу посылаешь?

– Тьфу! – рассмеялся король. – Чтоб мне пусто было, если он нас не поймал на слове!

Все, кто был этому свидетелем, только руками развели. Королевское слово нельзя нарушать.

– Ну, Бог с тобой, – кивнул король. – Тебе это удалось. Возвращайся в свою усадьбу. Не дал тебе Бог смелости, так хоть хитростью одарил.

Костыль

Однажды король Лев возвращался с охоты, и по дороге ему встретился отшельник, одетый в длинную холщовую сутану. Он шёл босиком, облакачиваясь на костыль.

Увидев охотников на лошадях, отшельник спросил:

– Не скажете ли, как пройти к королевскому замку?

Король заинтересовался и спросил:

– Кого вы хотите там увидеть?

– Хочу увидеть короля и попросить у него тысячу золотых.

– Тысяча золотых – большие деньги.

– Они нужны для того, чтобы построить в горах монастырь.

– А что, если король откажет?

– Пусть тогда даст хоть пятьсот.

– Ну, а если и пятьсот не даст?

– Тогда хоть сотню.

– А если и сотни не даст?

– Ну тогда уж ладно – соглашусь на десять.

– Но что, если он и десяти не даст?

– Клянусь Богом и Пресвятой Троицей, тогда я отлуплю его этим костылём!

Король улыбнулся и, показав дорогу, помчался со своей свитой в замок. А там приказал, чтобы когда к нему придёт

отшельник, его пустили лишь после того, как он у входа костыль оставит.

К вечеру отшельник доковылял до королевского замка. В дверях его остановили и заставили костыль оставить, мол, это неуважение к королю. Когда отшельник предстал перед королём, то сразу же узнал того охотника, с которым по пути говорил. Но даже глазом не моргнул и поздоровался так, будто они виделись впервые. Король тоже виду не подал и спросил:

– Что привело вас в замок?

– Мой властелин, я отшельник из Синевидного. Мы там, на горе, начали монастырь строить, но нас мало, а денег у нас нет. Пришёл я просить у вас тысячу золотых. Подайте на доброе дело.

– Бог подаст, – говорит король.

Отшельник на миг смутился.

– Ладно. Тогда дайте хоть половину.

– Бог даст.

– Ну, может, тогда сотню?

– Бог даст.

– И десяти золотых не дадите?

– Бог даст, – невозмутимо отвечал король.

Отшельник вытер пот со лба, переступил с ноги на ногу и удручённо сказал:

– Ну, тогда пусть вам Бог пошлёт долгих лет жизни, а я пошёл.

Отшельник сделал ещё несколько шагов и добавил через плечо:

– Повезло вам, что мой костыль остался за дверью.

Эти слова вызвали у короля гомерический хохот. Он подбежал к отшельнику, взял его за плечи и сказал:

– Простите мою шутку. Я, разумеется, дам вам тысячу золотых на монастырь.

Никому с рук не сойдёт

У короля Льва был роскошный сад с удивительными деревьями и кустами. За ними ухаживал садовник, который жил с семьёй в уютном уголке. Король в свободные минуты любил гулять в саду и знал его как свои пять пальцев. Каждый цветок был ему знаком, каждая новая птичка, появлявшаяся в саду, не оставалась незамеченной. Но особенно любил король розовый куст, подаренный ему купцами из Персии.

Когда государственные дела не позволяли королю гулять по саду, садовник сам являлся к нему и сообщал все садовые новости.

А однажды садовник сообщил, что на любимом королевском кусте соловей гнездо свил.

– Что с ним делать – разрушить или оставить? – спросил садовник.

– Оставь. Но увидишь, ему это просто так не сойдёт, что посмел на моём кусте вить гнездо.

Прошло какое-то время. Садовник, хозяйничая в саду, приблизился к розовому кусту и увидел, как гадюка пожирает птенцов. У садовника не было ничего в руках, чтобы отогнать змею, а пока он оглядывался в поисках палки, гадюка исчезла. Осталось только пустое гнездо с несколькими пёрышками.

Садовник мигом побежал к королю.

– Ваше величество! Гадюка съела птенцов, что вывелись в гнезде на розовом кусте.

– Вот видишь, – усмехнулся король, – разве я не говорил, что соловью это гнездо так просто не обойдётся.

– Говорили, ваше величество, говорили.

– А что с гадюкой?

– Пока я палку искал, злодейка сбежала.

– Ничего, знай, что и ей просто так не обойдётся то, что она соловьят сожрала.

В другой день садовник принялся косить траву между деревьев и неожиданно наткнулся на змею, разрезав её на две половины.

«Плохой знак», – подумалось ему.

А тут сам король прогуливался.

– Что призадумался? – спросил он у садовника.

– Да вот только что коса попала на ту змею, что птенцов съела.

– Ага, говорил я тебе, не обойдёт её, – усмехнулся король. – Только ты помни, что и тебе так просто её смерть с рук не сойдёт.

Садовник ещё сильнее расстроился.

Как-то вечером услышал он из глубины сада плеск и женский смех. Там находился небольшой пруд, в котором разводили рыбу. Садовник и за ним присматривал, а потому очень удивился, услышав шум.

Когда он тихонько подкрался, то его удивлению не было

предела. В пруду плескалась королева со своими служанками, и все – в чём мать родила.

Садовник аж рот раскрыл и так увлёкся, что и не заметил, как чья-то твёрдая рука упала ему на плечо. Оглянулся – и его охватил ужас. Перед ним стоял сам король.

– Ага! Так вот как ты за садом присматриваешь? Не нашёл лучшего занятия, чем за голыми девушками подсматривать? Долой с глаз моих!

Испуганный садовник побежал что было мочи в дом. Но недолго пришлось ему дрожать, потому что пришла стража и забрала его в темницу.

А утром следующего дня ждала садовника виселица.

Садовника вывели во двор замка, и он увидел всю королевскую знать, рассевшуюся на скамейках. Тем временем палач приставлял к виселице лестницу, ту самую, по которой садовник лазил, обрезая веточки.

Садовник утёр слёзы и обратился к королю:

– Ваше величество, я верой и правдой служил вам, прошу теперь перед самой смертью сказать несколько слов. А потом уже вешайте.

Король кивнул головой.

– Пан, помните ли вы, как на вашем розовом кусте соловей гнездо свил, и вы сказали: «Это ему просто так не обойдётся»?

– Конечно, помню, – согласился король.

– Пан мой, а помните ли вы, как спустя некоторое время

гадюка сожрала соловьят, и вы сказали: «И ей это не обойдётся»?

– Было, было, – кивал король.

– Как соловью не обошлось, так и змее. Как не обошлось змее, так не сошло с рук и мне. Но знайте, король, что и моя смерть вам с рук не сойдёт!

От этих слов король ужаснулся и какую-то минуту сидел недвижимо. Потом встал и сказал:

– Отпустите его, пусть и дальше занимается садом.

Бусы сирийского купца

Откуда только во Львов купцы не прибывали! А я расскажу о купце, который прибыл из Дамаска и которого звали Абдурахман.

Привёз он в наш город ладан, мирру, кайеннский перец, корицу, гвоздику, а ещё изделия из драгоценных металлов. Всё довольно быстро распродал, но остались очень дорогие бусы из золота и драгоценных камней. Их он продать не сумел, а чтобы не везти назад в Дамаск и снова во Львов, решил оставить на хранение у одного из местных лавочников до следующего приезда.

Оставил драгоценность, а сам с армянским караваном домой отправился. Прошёл год. И вот купец наш снова во Львове.

– Долгих лет жизни! – поздоровался он с лавочником. – Я пришёл за своими бусами.

– Это за какими? – вытаращил тот глаза.

– За теми, которые тебе в прошлом году оставил.

– Что такое? Впервые слышу! Юльця! – позвал лавочник свою жену. – Нам в прошлом году кто-то бусы оставлял?

– Бусы? Уж я бы запомнила. Какие бусы?

– Вот и я говорю: какие?

Бедолага Абдурахман пробовал и так и сяк напомнить, при каких обстоятельствах отдал бусы, но всё зря. Лавочник

выставил его вон из своей лавки.

Кому только купец не жаловался, кому только поклонов не бил – никто помочь не может, потому что свидетелей не было.

И осталась у сирийца одна только надежда на короля Льва. Если уж он не поможет, тогда некому.

Абдурахман подался в замок, сел на ступенях и сидел до тех пор, пока король не принял его. Когда сириец рассказал ему о своём приключении, король задумался. Как же можно помочь этому человеку, если нет ни одного доказательства, ни расписки, ни свидетеля. И где уверенность, что сириец не врёт? Единственное, что мог применить король, это хитрость.

– Завтра утром иди в лавку своего должника, сядь на пороге и сиди, что бы там ни происходило. Сиди и жди, пока не появлюсь я. А потом дашь мне знать, чем всё это закончится.

Абдурахман сделал так, как посоветовал король. Лавочнику, ясное дело, не понравилось, что тот уселся на его пороге, и он стал прогонять сирийца. Но только прогонит, как тот вновь упрямо возвращается. Сядет и молчит.

И продолжалось так, пока не появился король. Да не сам, а со всей свитой, в окружении толпы людей. Король ехал верхом на резвом арабском скакуне, и изо всех домов выбегали львовяне и радостно его приветствовали. Конь ступал неспешно, легко переставляя ноги, и нигде ни на минуту не останавливаясь. Только поравнявшись с лавкой купца,

король натянул поводья, и конь остановился.

– Абдурахман! – воскликнул радостно король Лев. – Ты ли это? Как давно ты во Львове?

– Да неделю уже, король мой, пусть Господь к вам будет всегда милосердным!

– Целую неделю? И не нашёл-то ни одного свободного дня, чтобы нас проведать? На первый раз прощаю тебя. Но завтра приходи и поделись с нами своими хлопотами.

Король дёрнул за поводья, и вся свита двинулась дальше.

Сотни глаз наблюдали эту сцену, сотни ушей слышали, как король назвал сирийца по имени. А среди тех глаз и ушей были и глаза и уши хозяина лавочки и его жены. Они были так напуганы, что руки у них дрожали.

Как только король и вся толпа удалились, лавочник подбежал к Абдурахману и сказал:

– Слушай, когда это было, что ты мне бусы оставил? Какие они? Во что завёрнуты? Может, я вспомню.

Абдурахман спокойно описал, как выглядели его бусы, и жена лавочника всплеснула в ладоши:

– Так и есть! Они!

А через минуту пропажа нашлась в сундуке с вещами жены.

– Ты гляди-ка! – качал головой лавочник. – Совсем забыл! Если бы ты не вспомнил, я бы ни за что не нашёл их.

– Это я нашла, – вмешалась жена.

– Ага, это Юльця. Давай, Абдурахман, обмоем нашу на-

ходку, давай? Завтра тебя сам король будет принимать. Почему ты мне не сказал, что вы хорошо знакомы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.